

HISTORIA ROSSICA

ЕКАТЕРИНА
ПРАВИЛОВА

ИМПЕРИЯ В ПОИСКАХ ОБЩЕГО БЛАГА

СОБСТВЕННОСТЬ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
РОССИИ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Екатерина Правилова

**Империя в поисках общего
блага. Собственность в
дореволюционной России**

«НЛО»

2022

УДК 347.2/.3(091)(47+57)«18/191»
ББК 67.404.16-1(2)53

Правилова Е. А.

Империя в поисках общего блага. Собственность в
дореволюционной России / Е. А. Правилова — «НЛО»,
2022 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-44-482074-2

Принято считать, что в дореволюционной России частная собственность не была достаточно защищена и что российский либерализм не смог обосновать идеалы индивидуализма и свободы собственности. Однако книга Е. Правиловой предлагает совершенно новый взгляд на эту проблему. Она показывает, что, вопреки общему мнению, самодержавное государство стояло на страже интересов владельцев, в то время как либеральные мыслители, политики и эксперты ратовали за ограничение гипертрофированных частных прав в пользу общества. Е. Правилова анализирует возникновение и развитие идей и институтов «публичной собственности» в нескольких областях – защита окружающей среды, развитие гидроэнергетики и использования природных ресурсов, охрана художественных и археологических памятников, а также литературной собственности. На рубеже XIX и XX веков судьба русских лесов и православных икон, архитектурных шедевров и произведений великих писателей связывались с пересмотром системы собственности. Юристы и архитекторы, искусствоведы и лесоводы, инженеры и литературные критики ратовали за то, чтобы общество стало полноправным владельцем «общих вещей». Как показывает автор, российский дореволюционный либерализм не был индивидуалистическим – он развивал идеи гражданского общества, построенные на публичном владении национальным богатством. Екатерина Правилова – историк, профессор Принстонского университета (США).

УДК 347.2/.3(091)(47+57)«18/191»

ББК 67.404.16-1(2)53

ISBN 978-5-44-482074-2

© Правилова Е. А., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

Сокращения	6
Благодарности	7
Введение. Res Publica в имперском государстве	9
Часть 1. Кому принадлежит природа?	26
Глава 1	27
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Екатерина Правилова

Империя в поисках общего блага.

Собственность в дореволюционной России

Сокращения

- АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия)
- Архив ИИМК – Архив Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург, Россия)
- ЖГУП – Журнал гражданского и уголовного права
- ЖМЮ – Журнал Министерства юстиции
- Журнал комиссии – Журнал Высочайше утвержденной комиссии для пересмотра действующих законов о бечевниках и о порядке объявления рек судоходными и сплавными
- ИАК – Императорская Археологическая комиссия
- ЛЖ – «Лесной журнал»
- НЦР – Национальный центр рукописей (Тбилиси, Грузия)
- ОР ГРМ – Отдел рукописей Государственного Русского музея (Санкт-Петербург, Россия)
- Охрана памятников – Охрана памятников истории и культуры в России XVIII – начала XX в. Сб. документов
- Памятники архитектуры – Памятники архитектуры дореволюционной России: очерки истории архитектурной реставрации
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи (Собрания I, II, III)
- ПСС – Полное собрание сочинений
- РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург, Россия)
- РС – «Русское судоходство»
- СГ – «Старые годы»
- Стенографические отчеты – Стенографические отчеты показаниям лиц, приглашенных в Комиссию для рассмотрения вопроса о мерах к ограждению лесов от истребления (1876 г.)
- Съезды КД – Съезды и конференции конституционно-демократической партии
- ЦГА НТД – Центральный государственный архив научно-технической документации (Санкт-Петербург, Россия)
- ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив (Санкт-Петербург, Россия)
- ЦГИА Украины – Центральный государственный исторический архив (Киев, Украина)
- ЦИАМ – Центральный институт авиационного моторостроения имени П. И. Баранова (Москва, Россия)
- ЦИА Грузии – Центральный исторический архив (Тбилиси, Грузия)
- ЧОИДР – Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете
- Guins G. K. Memoirs – Guins G. K. Professor and Government Official: Russia, China, and California / An interview conducted by B. Raymond. Berkeley: University of California, The Bancroft Library, Regional Oral History Office, 1966.*

Благодарности

«Одной рукой и узла не развяжешь», как говорит русская пословица о тщетности работы в одиночку, и это довольно точно описывает мою работу над этой книгой. Много рук (и умов) участвовали в распутывании этого узла, помогая мне разобраться в сложностях российских представлений о собственности, и я глубоко признательна всем, кто содействовал мне поддержкой, сотрудничеством и дружественной критикой.

Появление идеи этой книги связано с моим выступлением на семинаре Европейского университета в Санкт-Петербурге «Материальность *res publica*» в 2007 году. Я благодарна всем участникам семинара и особенно Олегу Хархордину и Квентину Скиннеру за то, что они вдохновили меня на изучение «общих вещей» в российском контексте. Кроме того, я представляла ранние версии нынешних глав этой книги на разных академических мероприятиях, и в каждом случае для меня были в высшей степени полезны советы множества коллег, в особенности организаторов и участников русского кружка в Принстонском университете, семинара по истории России в Колумбийском университете, семинаров по русской и советской истории и по культурной и экономической истории в университете Пенсильвании, семинара по русской истории в Центре исследований России, Восточной Европы и Евразии в университете Мичигана, русского семинара в Джорджтаунском университете. Множество друзей и коллег помогали мне в процессе работы над рукописью: Жанна Кормина помогла мне разобраться в особенностях православного обряда; Эдита Бояновска, Кэрил Эмерсон, Сергей Ушакин, Уильям Милз Тодд III и Майкл Вахтел открыли мне глаза на политику в области литературной собственности в имперский период, а Татьяна Борисова, Янни Коцонис, Альберто Мазоэро и Пол Верт прочитали отдельные главы в их многочисленных реинкарнациях и помогли мне значительно их улучшить. Также я беззастенчиво эксплуатировала щедрость Питера Холквиста, который познакомил меня с многочисленными материалами, полезными для исследования, прокомментировал множество моих докладов и статей и любезно прочитал рукопись – всю целиком, а до того и отдельно по частям. Наконец, я бесконечно благодарна Джейн Бёрбэнк, Майклу Гордину, Стивену Коткину, Филипу Норду и Вилларду Сандерлэнду, которые великодушно взялись за чтение всей рукописи и своими комментариями и критическими замечаниями поддерживали во мне стремление написать эту книгу наилучшим образом. Все оставшиеся в книге огрехи на моей совести.

С начала работы над этим проектом моим интеллектуальным домом был исторический факультет Принстонского университета. В течение нескольких лет я имела возможность беседовать с Джереми Эделманом, Молли Грин, Хендриком Хартогом, Яиром Минтцкером, Ребеккой Рикс и Мартой Сэндвайс, что помогло мне увидеть проблемы собственности в более широком контексте. Всем, что я смогла написать как историк, я бесконечно обязана моему учителю и научному руководителю Борису Васильевичу Ананьичу. Он обучил меня тонкостям исторического ремесла и всегда поддерживал мои начинания.

Ряд организаций содействовали моей работе над проектом финансово и материально-технически. Исследовательский фонд Чарлза Рискампа Американского совета научных обществ оказал мне помощь в проведении исследования и написании книги, а Комитет по гуманитарным и социальным исследованиям Принстонского университета щедро профинансировал несколько лет моих научных поездок в Россию, Грузию и Украину. В 2010–2011 годах мне повезло провести год в Новой экономической школе в Москве. Невозможно представить себе лучшего места для написания книги, и я бесконечно благодарна Сергею Гуриеву, Игорю Федюкину и Константину Сониному за приглашение в РЭШ и всем коллегам, с которыми довелось там работать, за неизменно дружеское отношение и поддержку.

Энн О'Доннелл отредактировала множество версий этого текста: я глубоко признательна ей за старание придать гладкость и изящество моему неродному английскому. Маргарита Емелина и Татьяна Воронина были прекрасными помощниками, работа которых имела большое значение для моих библиотечных и архивных изысканий в России. Также я пользовалась великодушной помощью множества российских научных организаций и хранилищ, при этом особой благодарностью я обязана Ирине Золотинкиной и Вере Кессенич из Русского музея, Наталье Андреевне Беловой из Института истории материальной культуры РАН и Анне Горской из Муромского историко-художественного музея.

Я благодарна редакторам журналов *Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History* и *Annales. Histoire, Sciences Sociales* за разрешение частично использовать для книги мои опубликованные в этих изданиях статьи «The Property of Empire: Islamic Law and Russian Agrarian Policy in Transcaucasia and Turkestan» (*Kritika*. 2011. Spring. Vol. 12. № 2. P. 353–386) и «Les res publicae russes: Discours sur la propriété publique à la fin de l'Empire» (*Annales HSS*. 2009. Vol. 64. № 3. P. 579–609. Ehess, Paris). Материал этих статей в переработанном виде включен в главы 1 и 3.

Мой муж, Игорь, теперь знает наизусть все мои рассказы о лесах и иконах; в течение этих лет он был и моим самым неумолимым критиком, и главным поклонником. Я сердечно признательна ему за все, что он сделал, чтобы мне помочь. Мой отец Анатолий Михайлович, ученый и сам автор книг, прекрасно знаком с радостями и тяготами писания научных текстов; его неустанные напоминания о дедлайнах стимулировали меня не останавливаться в работе. Моя мама, Наталья Васильевна, заботилась о моих детях во время моих архивных поездок и, когда мне нужно было дописать последние главы, отправилась за океан, чтобы посидеть с моими ребятами. Когда писалась эта книга, Женя и Лиза еще мало знали о проблемах собственности, разве что когда это касалось игрушек и видеоигр. Однако они были рады узнать, что рукопись про собственность закончена.

Март 2013

Введение. *Res Publica* в имперском государстве

ГОСУДАРСТВО, ЛИБЕРАЛИЗМ И РЕФОРМЫ: РОССИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Европейский долгий XIX век (1789–1914) был богат смелыми нововведениями и большими разочарованиями. Рост национализма, «социальный вопрос», феминизм, новые модели государственного управления и экономической политики сопровождались крушением устоявшихся идей. Одной из них был индивидуализм, который Энтони Арбластер определил как «метафизическую и онтологическую основу» классического либерализма¹. Индивидуализм и его следствие – принцип неотчуждаемой частной собственности рассматривались как величайшие концептуальные достижения постреволюционной Европы. И все же к концу столетия эта доктрина, бывшая когда-то жемчужиной в короне либерализма, подверглась критике и была в конце концов дискредитирована, уступив место идеям, ориентированным на государство, местные сообщества и социальные программы. Этот идеологический поворот отражал глубокую трансформацию государства и одновременно способствовал ей. Появившееся в результате новое государство знакомо нам намного лучше, чем «государство как сторожевой пес» – идеал, популяризированный либералами начала XIX века. В противоположность этому идеалу на протяжении XIX века правительственная власть постоянно усиливалась за счет рационализации государственного аппарата, профессионализации бюрократии и растущей роли экспертов и технократов. Государство также взяло на себя новые функции в области социального обеспечения, экономического регулирования и культурного руководства, при этом передавая многие из своих задач в ведение общественных организаций. В результате правительство стало более видимым и прозрачным, но также и более агрессивным².

От упадка индивидуализма выиграло, конечно, не только государство: одним из наиболее важных и заметных последствий был рост «общественного» достояния за счет частной собственности. Многие объекты и ресурсы, составлявшие ранее основную массу частных богатств Старого режима и постреволюционной Европы, перешли под контроль государственных служб или общественных организаций. Частная собственность на важные для общества объекты была ограничена множеством условий, которые вырабатывались экспертами на основе «научно» установленных принципов и передавались под контроль правительства. Во второй половине XIX века наблюдалось развитие трастовых фондов, во владение которых перешли бывшие частные поместья, теперь охраняемые как исторические памятники. Действуя от имени народа, государство ввело новые правила, ограничивавшие использование частновладельческих лесов; богатые землевладельцы не могли охотиться в своих собственных поместьях на те виды животных, которые государство взяло под охрану. Частные владельцы должны были смириться с тем, что их имущество отчуждалось для строительства «публичных» пространств – новых улиц, проспектов и площадей, а также железных дорог и других важных для общества средств сообщения. Либералы, однако, не воспринимали эту растущую экспансию как угрозу частным сво-

¹ Arblaster A. The Rise and Decline of Western Liberalism. Oxford: Basil Blackwell, 1984. P. 15.

² Об этих изменениях см., например: MacDonagh O. The Nineteenth-century Revolution in Government: A Reappraisal // Historical Journal. 1958. Vol. 1. № 1. P. 52–67. О различных вариантах «нового» («социального») европейского либерализма конца века и о приверженности либералов социальным реформам см., например: Freedman M. The New Liberalism: An Ideology of Social Reform. Oxford: Clarendon Press, 1978; Horne J. R. A Social Laboratory for Modern France: The Musée Social and the Rise of the Welfare State. Durham; London: Duke University Press, 2002; Logue W. From Philosophy to Sociology: The Evolution of French Socialism. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1983; Kloppenberg J. T. Uncertain Victory: Social Democracy and Progressivism in European and American Thought, 1870–1920. New York: Oxford University Press, 1986.

бодам: неотчуждаемая частная собственность уже не выступала главным и безусловным признаком личной свободы, тогда как возможность создавать пространства для общественной жизни стала рассматриваться как необходимое условие коллективной свободы. Кульминацией этого процесса была впечатляющая мобилизация материальных и человеческих ресурсов во время Первой мировой войны, когда произошла временная национализация ресурсов и ограничение свободного рынка. Трудно представить себе, как вовлеченные в тотальную войну государства, прежде всего Британия и Франция, смогли бы убедить граждан отказаться от своих свобод и пожертвовать своим имуществом, если бы неолиберальная и терпимая по отношению к государственному вмешательству идеология не достигла такого протрясающего прогресса в десятилетия, предшествовавшие конфликту. Отказ от своего имущества в пользу военных нужд стал рассматриваться как «необходимая составляющая республиканских ценностей», он представлял в той же мере частью военных усилий, что и воинская мобилизация³. Национализм сам по себе не смог бы удержать от перерастания того громадного напряжения, которое было создано войной, в социальный конфликт. Идея общего дела, возвышающегося над частным благосостоянием, также оказала влияние, по крайней мере косвенно, на успех мобилизации.

В этой книге рассматривается развитие публичной сферы в Российской империи. Исследование меняющихся границ собственности в области понятий и реальной законодательной практики в России со времен Екатерины Великой до Первой мировой войны и революции 1917 года выявляет рождение новой модели общества и новых практик обращения с «общими вещами» – реками, лесами, историческими памятниками, предметами искусства и литературными шедеврами. Главным объектом моего исследования является нечто, что никогда не было институализировано в российских законах, но тем не менее существовало в воображении людей, в риторике и политике – понятие «общественной собственности», *res publica* – мир вещей, которыми владеет общество, но управляет, от имени того же общества, государство. Эти представления в основных чертах напоминают неолиберальные идеи в Британии, социальную философию солидаризма во Франции и правовые концепции в юриспруденции и социологии в Германии и Австрии рубежа XIX – XX веков.

Российские сторонники идеи *res publica* принадлежали к разным идеологическим и политическим направлениям, профессиональным сообществам и культурным кругам; некоторые из них упорно отказывались отнести себя к какой-то определенной политической партии или течению из-за желания держаться вне политики. Это желание выдавало их неприятие заостренности политических ярлыков, что часто отмечают современные историки⁴. Однако в этой книге я определяю это мировоззрение и проект *res publica* как либеральные, с важной оговоркой, что термин «либерализм» я понимаю широко, подразумевая в том числе и «социальный» либерализм конца XIX – начала XX века. Критически важное различие между классическим либерализмом и новым либерализмом рубежа веков заключалось в специфическом отношении к государству, частной собственности и соотношению индивидуальных и общественных ценностей. Основа либеральной идеологии осталась неизменной: либерализм сохранял твердую приверженность идеям свободы и ограничения прав государства, при соответствующем увеличении его функций и обязательств. Российские либеральные мыслители также остались верны идее частной собственности, хотя их понимание собственности существенно отличалось от начала XIX века. Эти мыслители стремились уже не к укреплению частной собствен-

³ Hardach G. Industrial Mobilization in 1914–1918: Production, Planning, and Ideology // The French Home Front, 1914–1918 / Ed. by P. Fridenson. Providence, RI: Berg, 1992. P. 57–83.

⁴ Историки российской политической мысли и интеллектуальной культуры часто используют понятие «прогрессивный» для обозначения этого направления, которое, несомненно, существенно отличается от классического либерализма. См., например: Wagner W. G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1994 (Вагнер пишет о «прогрессивных юристах»); Holquist P. Dilemmas of a Progressive Administrator: Baron Boris Nolde // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2006. Spring. Vol. 7. № 2. P. 241–247; Gerasimov I. Modernism and Public Reform in Late Imperial Russia. Basingstoke, UK; New York: Palgrave Macmillan, 2009.

ности, которая (по сравнению с другими гражданскими правами) в России была уже довольно хорошо защищена, но скорее – к переосмыслению собственности, преобразованию самой ее идеи. По их мнению, понятие собственности необходимо было изменить так, чтобы оно отражало не только частную или личную, но также общественную ответственность и обязательства владельца. Согласно этому новому представлению о собственности, общество рассматривалось как субъект права – это было по своей сути либеральное, хотя и не индивидуалистическое видение.

Либеральная идея общественного достояния оказалась очень привлекательной и многогранной, она получила поддержку со стороны многих нелиберальных умеренных политиков и технократов в российском правительстве. Однако намного меньше было достигнуто в практической политике и реформировании законодательства, которые требовали глубокой трансформации государства. Российским либерально настроенным интеллектуалам не довелось увидеть полного воплощения своих идей в политической практике, но тем не менее они пытались применить их в своей профессиональной деятельности как инженеры, эксперты лесного хозяйства, юристы, литературные критики и архитекторы. Незаконченность процесса создания общественной собственности в России не может рассматриваться как полный провал или как еще один признак российской исключительности. По крайней мере, эта «инаковость» проявила себя по-разному в развитии российской либеральной идеологии, в практиках имущественных отношений и в трансформации государственных институтов. Эта книга стремится объяснить причины российской специфики и выявляет точки сближения с европейскими тенденциями.

Кто-то может удивиться: почему, вместо того чтобы обратиться к извечной проблеме российской истории и современной политики – слабости частной собственности, я исследую развитие идей и институтов, которые были противоположны и даже враждебны праву частной собственности. Разве частная собственность не была тем жизненно важным, но трагически отсутствующим звеном, необходимым для экономического роста и политического развития России? Эта книга объясняет, что одержимость проблемой частной собственности приводит к тому, что упускается сложность альтернативных режимов владения, развивавшихся параллельно с частной собственностью. Я показываю, почему в России частная собственность – сверхразвитая в одних аспектах и действительно недоразвитая и слабая в других – оказалась не всегда наиболее справедливой и наиболее эффективной формой владения и управления вещами. Эта книга утверждает, что собственность может приобретать разные формы и значения и что исторический анализ должен сконцентрироваться на том, как эти формы проявляются и как эти значения изменяются под воздействием культурных, экономических и социальных перемен.

Исследование того, как формировался институт общественного достояния в имперской России, продолжает наметившиеся недавно в историографии тенденции, но в то же время предлагает важные уточнения. Не будет преувеличением сказать, что современная историография склонна к разрушению представления о частной собственности как фундаменте индустриального общества и основополагающем институте Нового времени (*modernity*). Недавние исторические исследования опровергли историю триумфального шествия частной собственности, вместо этого они описывают многослойную систему владения и пользования землей и другими ресурсами, критикуя попытки правительства упростить эти отношения и втиснуть их в узкую схему частного владения⁵. Частная собственность в современной историографии стала связы-

⁵ Как утверждают авторы статей сборника, посвященного развитию земельной собственности в Европе, обманчивая парадигма *собственности* заслоняет «множественность прав» на землю (*Contexts of Property in Europe: The Social Embeddedness of Property Rights in Land in Historical Perspective* / Ed. by R. Congost and R. Santos. Turnhout, Belgium: Brepols, 2010. P. 20). Взлелеянный классической экономикой миф о том, что британская индустриализация была запущена в результате приватизации земли, был оспорен экономистами и социальными историками, которые доказали, что система «открытых полей» (существовавшая до начала политики «огораживания») имела свою целесообразность, отличную от целесообразности частной соб-

ваться с государственным принуждением, нормативными правилами (в противоположность гибким обычаям) и с колониализмом и его стремлением к единообразию. Таким образом, в современных исследованиях развитие частной собственности парадоксально выступает не как символ свободы и следствие либерализации, но как результат агрессивного стремления государства улучшить «условия человеческого существования»⁶. Мало кто из историков стремится сейчас продемонстрировать триумф частной собственности в современном мире, и те немногие исследования, которые преследуют подобные цели, основывают свое историческое оправдание частной собственности на доказательстве от противного – указывая на провал первых социалистических экспериментов или банкротство советской модели⁷. Современные авторы чаще отмечают сложность форм собственности, ее относительную политическую и социальную ценность и предлагают применять метод антропологических исследований, микроистории и экономического анализа, чтобы воссоздать и объяснить эволюцию отношений собственности⁸. В современной исторической науке собственность описывается как «парадоксальное» явление, которое не поддается простым объяснениям⁹.

Сама современная историография собственности – примечательное явление, во многом отражающее нынешние представления о социальном порядке, благосостоянии и добродетели. Мое исследование зарождавшегося в России института общественного достояния не противопоставляет «эгоистическую» частную собственность «добродетельной» общественной или

ственности (см.: *Dahlman C. The Open Field System and Beyond: A Property Rights Analysis of an Economic Institution. Cambridge: New York: Cambridge University Press, 1980*). Э. П. Томпсон добавил этический элемент к критике огораживаний, которые были и нерациональны, и несправедливы (*Thompson E. P. Custom, Law and Common Right // Customs in Common. London: Merlin Press, 1991. P. 97–184*). Д. Хауэлл в книге о японских рыбаках показал, как учреждение права собственности на прибрежные участки облегчило процесс сбора налогов, одновременно усилив обнищание и пролетаризацию тех, кто не получил выгоды от распределения земель, принадлежавших прежде общине (*Howell D. Capitalism from Within: Economy, Society, and the State in a Japanese Fishery. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 93–118*). Реформирование прав собственности и замена местных обычаев жесткой моделью частной собственности были определены историками колониализма в качестве примет авторитарного (хотя, возможно, и просвещенного) правления в колониях. (Среди работ по этой теме: *Guha R. A Rule of Property for Bengal: An Essay on the Idea of Permanent Settlement. Durham, NC: Duke University Press, 1996*; *Banner S. Possessing the Pacific: Land, Settlers, and Indigenous People from Australia to Alaska. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007*). Недавние исследования о развитии собственности на Востоке придерживаются того же критического направления, заявляя, что другие формы собственности, неисключительные и неабсолютные, представляли собой альтернативу западному концепту (*Constituting Modernity: Private Property in the East and West / Ed. by H. Islamoglu. London; New York: I. B. Tauris, 2004*). Историки европейской и американской политической и юридической мысли перенесли внимание с понятия индивидуализма и рыночного представления об обществе, в котором важным элементом выступает «собственность как товар» (*property-as-commodity*), на идею общественного блага и республиканского видения общества, в котором собственность является основой социального порядка (*property-as-propriety*): *Gregory S. Alexander. Property as Propriety // Nebraska Law Review. 1998. Vol. 77. Is. 4. P. 667–702*. Даже в трудах классиков шотландской политэкономии современные исследователи акцентируют их гуманистические представления и концепции добродетели, совместимые с экономикой свободного рынка (*Hont I. Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-state in Historical Perspective. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2005*; *Wealth and Virtue: The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment / Ed. by I. Hont and M. Ignatie. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1983*). Работы лауреата Нобелевской премии Элинора Остром и Кэрол Роуз предложили теоретическую основу для исторических исследований: они опровергли миф о «трагедии общего владения» (*Tragedy of Commons*) и показали, как можно и нужно управлять находящимися в общем пользовании ресурсами и вещами (см. среди их работ: *Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press, 1990*, см. рус. пер.: *Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М., 2010*; *Rose C. The Comedy of Commons: Custom, Commerce, and Inherently Public Property // The University of Chicago Law Review. 1986. Summer. Vol. 53. No 3. P. 711–781*).

⁶ *Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven, CT: Yale University Press, 1998* (см. рус. пер.: *Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005*). Примечательное исключение в российской историографии, работа Дж. Паллот о реформах Петра Столыпина, посвященная анализу «административной утопии» насаждения частной собственности в российской деревне (*Pallot J. Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1999*).

⁷ См., например: *Bethell T. The Noblest Triumph: Property and Prosperity through the Ages. New York: St. Martin's Press, 1998*.

⁸ *Rose C. M. Property as the Keystone Right? // Notre Dame Law Review. 1996. Vol. 77. P. 329–369*.

⁹ *Gordon R. W. Paradoxical Property // Early Modern Conceptions of Property / Ed. by J. Brewer and S. Staves. London; New York: Routledge, 1995*.

«либеральную» частную собственность «авторитарной» общественной. Вместо этого я пытаюсь ответить на вопросы, почему принцип частной собственности, установившийся в определенных сферах экономики и социальных отношений, уступил место другим формам, а также какие обстоятельства и процессы вели к изменениям в понимании прав собственности и в практике их применения и какими были последствия этих реформ.

Эти вопросы особенно важны для историографии имперской России. Как ни странно, история собственности в имперской России никогда не рассматривалась как часть глобальной, европейской или компаративистской истории этого института и оставалась невосприимчива к релятивистскому (и порой даже открыто враждебному частной собственности) духу недавних работ. Начиная с влиятельной книги Ричарда Пайпса¹⁰, в которой частная собственность напрямую связана с политической свободой, а российское самодержавие критикуется за то, что оно препятствовало развитию того и другого, большинство историков, даже когда они спорили с Пайпсом, все равно оставались в рамках парадигмы «частной собственности», которая была противоположна идеям, доминирующим в европейской и американской историографии последних десятилетий. Господство такого представления в российской историографии понятно, если учитывать, что в Советском Союзе отсутствовали и свобода, и частная собственность. Кроме того, исследование частной собственности помогает многим историкам доказать «нормальность» развития России и преодолеть парадигму «особого пути».

О собственности в имперской России написано большое количество важных и интересных работ. Мартина Винклер¹¹ и Дмитрий Тимофеев¹² показали приверженность российских интеллектуалов и политиков идее частной собственности в конце XVIII – начале XIX века. Ричард Уортман предложил тонкий анализ причин, по которым к концу XIX столетия российские мыслители потеряли интерес к идее частной собственности и не могли связать ее с гражданскими правами¹³. Мишель Маррезе, Ли Фэрроу и Уильям Вагнер проследили развитие права семейной собственности со времен Петра Великого до начала XX века¹⁴. В многочисленных исследованиях об аграрных реформах проанализированы общественные дискуссии о достоинствах и недостатках общинного и частного землевладения и правительственные попытки регламентировать крестьянское землепользование. Эрик Лор исследовал воздействие Первой мировой войны и национализма на права собственности в своей книге о кампании против «немецкого засилья» в России¹⁵. Эти и другие работы создают контекст моего исследования. Однако моя книга переносит внимание с вопроса о том, существовала ли частная собственность в России, на более продуктивную дискуссию о том, как и почему появилась частная собственность на определенные ресурсы, вещи и капитал (материальный и нематериальный) и почему частная собственность может в разных контекстах выступать как подходящая или не

¹⁰ Pipes R. Property and Freedom. New York: Alfred A. Knopf, 1999 (см. рус. пер.: Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2008).

¹¹ Winkler M. Eigentum, Heiliges Recht! Seele der Gesellscha! Adel, Eigentum, und Autocratie in Russland um 18. und frühen 19. Jahrhundert // Jenseits der Zarenmacht: Dimensionen des Politischen im Russischen Reich 1800–1917 / Ed. by W. Sperling. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2008. P. 71–97.

¹² Тимофеев Д. Понятие «собственность» в России первой четверти XIX века: опыт реконструкции смыслов // Российская история. 2009. Вып. 1. С. 165–180.

¹³ Wortman R. Property, Populism, and Political Culture // Civil Rights in Imperial Russia / Ed. by O. Crisp and L. Edmondson. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1989. P. 13–32.

¹⁴ Marrese M. L. A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002 (см. рус. пер.: Маррезе М. Л. Бабые царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М.: Новое литературное обозрение, 2009); Farrow L. A. Between Clan and Crown: The Struggle to Define Noble Property Rights in Imperial Russia. Newark: University of Delaware Press, 2004; Wagner W. G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1994.

¹⁵ Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2003 (см. рус. пер.: Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012).

подходящая форма владения. Другими словами, ключевые вопросы, на которых я фокусируюсь, это – границы частной собственности и различные пути, ведущие к установлению или не установлению ее как социального института; условия эффективного функционирования этого института; направления, по которым формы собственности, в том числе частная, изменялись с течением времени. Чтобы ответить на эти вопросы, мое исследование охватывает ряд проблем, связанных с историей российского либерализма и правовой мысли, культуры и практики владения, государственного реформаторства и борьбы за установление власти над ресурсами и людьми.

Насколько уместно вообще ставить такие вопросы по отношению к России и нет ли в этом опасности перенесения на российскую историю выводов, которые были получены в результате исследования европейской политики XIX века? Европейские либералы, может кто-то сказать, были избалованы своей относительной свободой и в высшей степени индивидуалистической культурой, и поэтому они могли настаивать на большем внимании к общественным интересам. Но в России не было свободы, и индивидуализм здесь был менее развит. Зачем нам нужно искать в России условия, характерные для Европы?¹⁶

Сравнение российского правового и интеллектуального развития с различными европейскими тенденциями будет выглядеть менее проблематичным, если мы откажемся от предпосылки о последовательности реформ (сначала конституционализм, частная собственность и свободы, а потом общественные интересы и социальная политика). Задачи преобразования российской политической системы были схожи с теми, которые стояли перед европейскими странами десятилетиями и даже столетиями ранее, но они накладывались в России на современные проблемы, над разрешением которых другие страны бились в то же самое время¹⁷. Если мы отбросим линейное представление о развитии, то российский либерализм не будет выглядеть таким большим отступлением от европейской традиции, как может показаться на первый взгляд. Европейский либерализм был довольно многоликим, так что на самом деле нет никакой нормы, относительно которой можно было бы регистрировать отклонения. Кроме того, несмотря на старания российского правительства остановить приток в страну радикальных политических идей, образованная элита имела свободный доступ к европейской культуре и охотно потребляла европейский интеллектуальный импорт. В результате российская общественная мысль переживала те же кризисы, что и европейская, и сталкивалась со схожими проблемами.

В то же время важно признавать и российские особенности. Историки российской политической мысли зачастую затрудняются точно определить своеобразное политическое мировоззрение российских мыслителей¹⁸, которые всерьез стремились объединить такие концепты,

¹⁶ См. критику экстраполирования европейских проблем на российскую почву во влиятельном эссе Лоры Энгельштейн: *Engelstein L. Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia* // *Engelstein L. Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. P. 13–32 (см. рус. пер.: *Энгельштейн Л. «Комбинированная» неразвитость: дисциплина и право в царской и советской России* // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/engel.html>).

¹⁷ Лора Энгельштейн, говоря о «режимах власти» Мишеля Фуко в современном мире и о российской «комбинированной» неразвитости, которая плохо вписывается в модель Фуко, указывает, что «пример с Россией представляет наложение трех моделей власти, которые в схеме Фуко разделены хронологически (хотя и не полностью): так называемой „юридической монархии“, *Polizeistaat* и режима дисциплины» (*Engelstein L. Combined Underdevelopment*. P. 19 (см. рус. пер.: *Энгельштейн Л. «Комбинированная» неразвитость*. Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/49/engel.html>)). Схожим образом мы можем сказать, что реформистская повестка дня российских либералов охватывала накладывавшиеся друг на друга задачи борьбы с остатками абсолютизма, с тиранией *Polizeistaat* и в то же время – распространения своих либеральных (и дисциплинирующих) взглядов на общество.

¹⁸ Попытки определить суть российского либерализма см., например: *Raeff M. Some Reflections on Russian Liberalism* // *Russian Review*. 1959. July. Vol. 18. № 3. P. 218–230; *Timberlake Ch. E. Introduction: the Concept of Liberalism in Russia* // *Essays on Russian Liberalism* / Ed. by Ch. Timberlake. Columbia: University of Missouri Press, 1972. P. 1–17; *Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism*. New York: Oxford University Press, 1987 (см. рус. пер.: *Валицкий А. Философия права русского либерализма*. М.: Мысль, 2012).

как личная свобода и коммунитаризм, производя идеи, казавшиеся европейским либералам оксюмороном. Британско-французское классическое либеральное мировоззрение в России конкурировало с камералистскими теориями, пришедшими из Германии, и, как результат, российская общественная мысль так и не смогла вполне освоить идею правового индивидуализма и всегда была подвержена популистским влияниям. Одно из основных различий между российским либерализмом до начала XX века и либерализмом во Франции и Британии заключается в том, что российская версия менее отчуждена от государства, о чем свидетельствует и существование «либеральных бюрократов» в правительстве, которые были главными агентами «либеральных реформ» в середине XIX века. Германский умеренный либерализм, с его стремлением примирить общество и государство, вызывал намного большую симпатию у многих российских либеральных интеллектуалов. Приверженные идее трансформировать государство без потрясения основных принципов самодержавия, они сконцентрировали свои усилия на неполитических реформах, которые, как они надеялись, повысят эффективность управления и восстановят социальный мир. Государственническо-либеральный дух «законного управления» глубоко проник в царскую бюрократию, продолжая жить даже после эры Великих реформ¹⁹. В то же время профессионализация государственного управления вела к укреплению позиций технократов, взгляды которых, как показал Питер Холквист, трудно определить как либеральные или консервативные²⁰. Они руководствовались идеологией государственной эффективности, которую разделяли с различными либеральными экспертами в среде так называемых свободных профессий.

Мой анализ реформ в области прав собственности (планировавшихся и проведенных), таким образом, объединяет два историографических нарратива, которые редко пересекаются – нарратив истории российского государства, с одной стороны, и нарратив либерализма и профессиональной экспертизы, с другой. Как я доказываю, развитие государства в России должно быть представлено в едином контексте с трансформацией либеральной идеологии и профессионального знания, которые играли такую заметную роль в политической истории Европы в XIX веке. Государство представляло собой, вероятно, самый неоднозначный элемент в реформистской повестке дня: либералы и эксперты хотели, чтобы государство было сильным, но в то же время с ограниченной способностью вмешательства; чтобы оно было большим, но эффективным. Реальность, однако, оказалась далека от идеала. В реальности российское самодержавие ограничивало государственное вмешательство в новые сферы деятельности и мешало бюрократии взять на себя современные задачи и функции. Несмотря на интервенционизм и фиксацию на идее тотальной опеки, особенно в деревне, российское государство оставалось нерадивым попечителем для своих граждан. К концу XIX века государство несколько изменило курс и начало разрабатывать множество проектов социальных реформ. После 1905 года оно даже пошло настолько далеко, что в целях политического выживания сделало ставку на мобилизацию крестьян²¹, стремясь освободить их от опеки общины и местного дворянства и предоставить им всемерную государственную поддержку. И все же ко времени своего падения в 1917 году самодержавие, похоже, провалилось по всем пунктам. Многим современникам государство одновременно представлялось назойливо всепроникающим и безнадежно бессильным.

Создание института публичной собственности было нацелено на эту проблему: трансформируя государство и делая его одновременно и больше и эффективнее и в то же время изменяя его роль, сторонники реформы прав собственности стремились создать материаль-

¹⁹ Whelan H. W. *Alexander III and the State Council: Bureaucracy and Counter-reform in Late Imperial Russia*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1982.

²⁰ О «технократическом» этосе в среде российской бюрократии в канун революции и о взглядах технократов на собственность см.: Holquist P. «In accord with State Interests and the People's Wishes»: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // *Slavic Review*. 2010. Spring. Vol. 69. № 1. P. 151–179.

²¹ Yaney G. *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861–1930*. Urbana: University of Illinois Press, 1982.

ное основание для сильного и независимого общества. По мнению российских либеральных реформаторов, государство должно было функционировать скорее как менеджер, нежели собственник страны и ее ресурсов – оно должно было быть в большей степени поставщиком услуг для общества, чем воплощением власти. Центральным требованием этой повестки было создание «общественного достояния». Учитывая самодержавный контекст, с которым имели дело сторонники этого института, эта идея имела громадное политическое значение. Вместо того чтобы свергать или игнорировать самодержавие, они могли использовать идею общественного достояния, чтобы изменить государство изнутри. Неудивительно, что та часть их повестки, которая касалась государства, не сработала. Провал мобилизации ресурсов страны во время Первой мировой войны показал всю политическую и управленческую слабость самодержавного порядка.

Был еще один момент, в котором сходились российский и европейский либерализм рубежа веков: постепенная профессионализация. В конце XIX века задача проведения реформ привлекала многих представителей элитных профессий – инженеров, юристов и ученых – чьи взгляды на то, каким должно быть общество, стали играть существенную роль в формировании либеральной программы реформ²². Поскольку политическая деятельность была ограничена, профессионалы пытались провести прогрессивную программу в сфере своей экспертной компетенции – это объясняет, почему среди российских либералов преобладали эксперты²³. Под воздействием новых социальных теорий российские либералы этого времени поворачивались от либерального индивидуализма к социальному, так же как и их собратья в Европе, хотя в России этот поворот ощущался как менее резкий. Действительно, социальный либерализм в России просто добавил еще один пласт задач в программу либеральных политиков рубежа веков, побуждая стремиться не только к конституционной реформе и гражданским свободам по европейскому образцу, но также и к государственной модернизации и социальной трансформации.

В данной книге утверждается, что поворот от индивидуалистического видения социального порядка к моделям, более чутким к социальным проблемам и более благожелательным по отношению к государству, произошел благодаря этим реформаторски настроенным экспертам. Как показал Дэниэл Бизер в своем исследовании социальных наук в России рубежа веков, либералы разделяли мнение, что обществу, как глине или рукотворному объекту, можно придать любую форму²⁴. Такое представление об обществе предполагало подчинение индивидуальных прав «правам абстрактного... сообщества»²⁵. Мое исследование выявило, что у различного рода экспертов – инженеров, специалистов лесного хозяйства, историков искусства и литературных критиков – представления об идеальном общественном порядке были очень схожи, результатом чего стала новая программа либеральных реформ, сместившая акцент с индивидуальной свободы личности на свободу и права общества. Субъектом прав, включая и право собственности, наряду с индивидом стало общество, или «публика».

²² О роли «профессиональных мыслителей» в формировании «нового либерализма» в Британии см.: *Freedman M. The New Liberalism: An Ideology of Social Reform*. P. 3; о профессиональных сообществах французских «социальных либералов» см.: *Horne J. R. A Social Laboratory for Modern France: The Musée Social and the Rise of the Welfare State*. P. 126–140.

²³ Илья Герасимов охарактеризовал этот социальный реформизм российских либералов как «аполитичную политику», явление того же времени и типа, что трансатлантический прогрессивизм, проанализированный в «Атлантических перекрестках» Дэниэла Роджерса (*Gerasimov I. Modernism and Public Reform in Late Imperial Russia, Rural Professionals and Self-Organization, 1905–1930*. Basingstoke, UK; New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 18; *Rogers D. Atlantic Crossings: Social Politics in a Progressive Era*. Cambridge, MA; London: Belknap Press of Harvard University Press, 1998). О «либеральной академической мысли» в России см. также: *Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914*. Oxford: Clarendon Press, 1999.

²⁴ *Beer D. Renovating Russia: The Human Sciences and the Fate of Liberal Modernity, 1880–1930*. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 2008. P. 5.

²⁵ *Ibid.* P. 7.

СОБСТВЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Идея создания общественного достояния дает замечательный пример представлений о том, что реформа прав собственности может трансформировать весь социальный порядок, включая такие основополагающие понятия, как личная свобода, общественные интересы, государственная власть и отношения общества и государства. Однако Россия не была уникальной в этом смысле: двойственная природа собственности как важного атрибута личности и одновременно как института социального порядка давно подпитывала дискуссии среди экономистов, философов и политических теоретиков. Противоречия были очевидны с самого начала. С самого ее зарождения модерная идея собственности была тесно связана с представлением о личной свободе; в то же время никакая другая свобода не была так жестко ограничена правилами и социальными обязательствами по отношению к обществу и государству. Дилемма собственности и нищеты, этическая неоднозначность владения и несовместимость свободы частных собственников и общественных интересов – все эти базовые характеристики собственности казались непримиримыми. Как следствие, большая часть энергии, шедшей на осмысление собственности, была направлена на попытки уравновесить абсолютное право собственности и требования социальной справедливости и общественных интересов. Все это вело к различным как утопическим, так и прагматическим программам реформирования социального порядка.

Результат дискуссий о собственности в Европе хорошо известен: золотой век классического либерализма еще не закончился, когда появились первые проекты отмены частной собственности. На самом деле доктрина об абсолютном благе частной собственности была атакована со всех сторон: социалисты хотели справедливости, традиционалисты выступали за сохранение коммунальных институций²⁶, а правительственные чиновники и ученые, экспериментировавшие с введением частной собственности в колониальных владениях, высказывали сомнения в универсальной применимости этого института. Кончина классического либерализма, который столкнулся с новой реальностью массовой политики, демократии и национализма, продвинула на новую стадию развития теорию, право и практику собственности. Новый либерализм конца XIX века, таким образом, предлагал такое представление о собственности, которое было совместимо с идеей общего блага. Право собственности никогда не было абсолютным, даже когда большинство склонно было так думать, но масштабы наложенных на него ограничений лишь росли по мере того, как расширялось общественное достояние за счет частных владельцев.

Трансформация государства и профессиональной экспертизы также сыграли свою роль в развитии собственности²⁷, и этот процесс не был ни прямым, ни последовательным. Усиливая охрану частной собственности, государство одновременно вводило множество механизмов, позволявших ее контролировать. Частная собственность должна была быть инвентаризирована, зарегистрирована и обложена налогом, и эти функции государство способно было осуществлять со все большей точностью. Эта увеличившаяся «прозрачность»²⁸ собственности была двойственной: она позволяла частному собственнику обратиться за помощью к государству, когда другой индивид оспаривал его/ее права, но также сделала частную соб-

²⁶ См., например: *Grossi P. An Alternative to Private Property: Collective Property in the Juridical Consciousness of the Nineteenth Century*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1977; *Les propriétés collectives face aux attaques libérales (1750–1914)*. Europe occidentale et Amérique latine / Ed. by M.-D. Demélas and N. Vivier. Rennes: Press Universitaire de Rennes, 2003.

²⁷ Гарольд Перкин указал на то, что развитие профессиональных услуг в конечном счете привело к изменению представлений о собственности: *Perkin H. Professionalism, Property and English Society since 1880*. Reading, UK: University of Reading, 1981.

²⁸ См.: *Kotsonis Y. «No Place to Go»: Taxation and State Transformation in Late Imperial and Early Soviet Russia* // *Journal of Modern History*. 2004. Summer. Vol. 76. P. 531–577.

ственность менее приватной. Крупнейшие частные и общественные предприятия требовали ее экспроприации, и хотя тщательно детализированные законы об экспроприации предоставляли намного большую защиту для частных владельцев, чем старая практика конфискаций, масштабы государственного вмешательства неумолимо росли. В XIX столетии эксперты-профессионалы открыли новые методы управления и сохранения «общественно значимых» и исчерпаемых природных ресурсов. Поскольку преуспеть в выполнении этих задач можно было только с помощью государства или общественных организаций, они продолжили расширять сферу общественного достояния. Институт частной собственности по-прежнему функционировал, но более не рассматривался в качестве наиболее эффективной формы обладания.

Развитие частной собственности в России проходило в чрезвычайно сжатые сроки: и взлет ее, и падение были стремительными и интенсивными. В России XVIII века государство было главным проводником реформ, поэтому характерно, что Екатерина II была первой, кто ввел и популяризировал понятие собственности. Именно императрица сделала больше всего, чтобы подчеркнуть связь между свободой и собственностью, хотя, как мы увидим, она не всегда была последовательна. Как я покажу в следующих главах, понятие собственности было первоначально истолковано в России с сильным акцентом на индивидуализм и социальное значение собственности было выражено слабо. В то же время, хотя императрица, несомненно, была первооткрывателем этого ключевого «либерального» института, ее представления о собственности были довольно ограниченными и консервативными. Так, при всем их духе «индивидуализма», екатерининские реформы собственности подчеркнули, что право собственности является даром монарха дворянам, и, следовательно, привели к усилению подчиненности знатных землевладельцев по отношению к трону. В этом и заключался искусный замысел императрицы, талантливого социального инженера и политика.

Вызовы екатерининскому индивидуалистическому понятию частной собственности появились сразу с нескольких сторон. Первые признаки разрушения этого понятия были заметны уже через несколько десятилетий после ее реформ. В конце 1820-х и в 1830-е годы европейские идеи рационализации использования природных ресурсов добрались до России, подстегнув дебаты об обязанностях владельцев лесов по отношению к обществу – воображаемому коллективу людей, населяющих страну, в число которых входят как ныне живущие, так и будущие поколения. В то же время подталкиваемое мольбами русских писателей и художников правительство разработало законы о литературной собственности и столкнулось с проблемой посредничества между частными (экономическими) и общественными (культурными) интересами при использовании литературных трудов. Первый закон об авторском праве (1828) определял писателя и «публику» (аудиторию) как две стороны культурного обмена, и каждая сторона могла претендовать на долю конечного продукта – литературного произведения, которое рассматривалось как выражение и индивидуального творчества, и национального культурного развития. С середины XIX века процесс пересмотра старых отношений собственности и поиск нового соотношения между частными и общественными интересами вели нередко к столкновениям интересов частных владельцев и общества по вопросам защиты окружающей среды (лесов и водных ресурсов), экономического использования природных ресурсов (рек и минералов), охраны исторических объектов и собственности на произведения искусства. В результате многое из того, что оставалось в области частного владения в конце XVIII века, стало рассматриваться в качестве общественного достояния. Значение частной собственности, таким образом, изменилось: по сравнению с ее изначальным пониманием как «абсолютного» владения и эксклюзивного права (хотя на практике она никогда не была ни абсолютной, ни эксклюзивной) она стала намного более ограниченной, ослабленной множеством обязательств и скованной интересами общества.

Сопоставление, с одной стороны, приверженности Екатерины идее частной собственности и, с другой – стремление либералов рубежа веков найти альтернативу этой идее свиде-

тельствует о том, что индивидуализм не является эксклюзивной характеристикой либеральной идеологии. Более того, поскольку и Екатерина, и позднейшие интеллектуалы осмыслили частную собственность под влиянием Запада, двойственное восприятие индивидуализма не является особенной чертой России. На самом деле существовало множество различных «индивидуализмов» (консервативно-романтический и либеральный), и, следовательно, были также и разные версии частной собственности, которые наполнялись разнообразными социальными и культурными значениями. Таким образом, было бы ошибкой предполагать, что все либералы видят частную собственность как абсолютное благо, так же и слишком большим упрощением было бы утверждать, что противники либералов считают частную собственность абсолютным злом. Представления о собственности исторически были разнообразны и изменчивы, и основная цель этой книги – проследить причины, обстоятельства и движущие силы, стоявшие за этими переменами в России.

В этой книге меня более всего интересует не сама история о постепенном ограничении индивидуальной свободы на владение вещами, а появление «общества» как носителя прав и свобод – и в практическом аспекте, и в риторике и представлениях. Установление общественного достояния требовало одновременно и ограничения индивидуальных прав собственности, и реформирования государства; оно продемонстрировало, что модель абсолютной частной собственности, поддержанная монархическим государством на основании неписаного договора о лояльности и не оставлявшая места для общества, была по сути антилиберальной. Российские либералы, выступавшие с этими идеями, были не одиноки: Эмиль Дюркгейм указывал в 1899 году, что «индивидуализм развивался в истории такими же темпами, как и этатизм»²⁹. Леон Дюги развил эту идею, утверждая, что государство должно рассматриваться не как квинтэссенция общественной власти, но как инстанция, предоставляющая общественные услуги, как «непосредственное осуществление общественного интереса»³⁰. Не удивительно, что работы Дюркгейма и Дюги и концепция возвращения «общества» в качестве субъекта права и политики стали невероятно популярны в России.

Российские либералы, однако, пошли еще дальше в своей критике индивидуализма и государства, утверждая, что государство в своей тогдашней форме являлось препятствием для формирования нации и разрушало общественную солидарность. Вместо двухмерной модели (индивид/государство) они развили концепцию трехмерной формы управления (индивид/общество/государство) и обличали беспредельный индивидуализм как отклонение от подлинного (локковского) либерализма, равно как критиковали чрезмерное государственное вмешательство. Павел Николаевич Милуков, лидер главной российской либеральной партии – Конституционно-демократической, выразил эту идею четко в статье о свободе слова (1905)³¹. Он видел свободу намного более ограниченной и согласованной с общественными интересами, чем то было в либеральных построениях начала XIX века. Согласно Милукову, как неумеренный индивидуализм, так и чрезмерный государственный контроль (или цензура в случае печати) разрывали ткань общества, разрушая социальные и культурные связи как между индивидами, так и между сменяющимися друг друга поколениями.

В то же время стоит отметить, что защитники этого нового представления о собственности не думали, что они подрывают или умаляют ценность самой индивидуальной свободы. Богдан Александрович Кистяковский в эссе «В защиту права» (1909) высказал знаменитую мысль, что свобода и порядок – две стороны права, и сетовал на отсутствие «идеала право-

²⁹ Цит. по: *Rosanvallon P. L'État en France, de 1789 à nos jours*. Paris: Editions du Seuil, 1990. P. 97.

³⁰ *Ibid.* P. 87. Показательно, что идея замены централизованного управления на систему государственных агентств для управления общественными услугами казалась Дюги совершенно неполитической и поэтому не входящей в круг парламентских реформ.

³¹ *Милуков П. Н. Субъективное и социологическое обоснование свободы печати // В защиту слова. Сб. ст. СПб.: Тип. Н. Н. Клобукова, 1905.*

вой личности» в российской традиции, несмотря на одержимость российской интеллигенции личностным началом³². Кистяковский и другие мыслители, по всей видимости, предлагали альтернативную концепцию личности как комбинации внутренней духовной свободы, гражданской зрелости и самодисциплины³³. Приветствуя возрождение идеалистического взгляда на личность, российские либералы осуждали индивидуализм как его крайнее и извращенное воплощение³⁴. Иначе говоря, как пишет Майкл Фриден о философии права британских либералов конца XIX века, «индивидуальность... заменила индивидуализм»³⁵.

Конечно, и до Кистяковского и Милюкова многие российские философы осуждали частную собственность и индивидуализм, среди них наиболее известными были славянофилы и народники. Однако те либералы, чьи идеи я здесь анализирую, предлагали иной взгляд: они старались не устранить, а преобразовать частную собственность, удалив из этого понятия индивидуалистические черты. Каким образом? Как они представляли себе частную собственность без индивидуализма и каковы были политические и культурные последствия такого видения? С точки зрения классической либеральной доктрины гипотеза о том, что можно отделить идею частной собственности от индивидуализма, кажется невозможной, поскольку собственность считалась главным качеством индивида и основным символом гражданственности³⁶. С XVII века понятие собственности стало главной основой гражданской добродетели, что давало мощное обоснование для этого института и было полезным средством для примирения моральных требований с материальными интересами³⁷.

К концу XIX века, однако, кажущиеся простыми отношения между добродетелью и собственностью были поставлены под вопрос, и для некоторых критиков тот факт, что кто-то владел собственностью, был недостаточным для суждения о том, хороший ли он/она гражданин³⁸. Для этих критиков собственность не была тем, что в раннемодерной философии «квалифицировало индивида для гражданства»³⁹. Наоборот, чтобы быть владельцем, нужны особые характеристики: обладание знаниями (иногда требуются специальные знания в определенной области или способность нанять профессионала для управления собственностью), чувство гражданской ответственности, признание того, что существует более важный, общественный интерес и готовность при необходимости уступить этому интересу.

³² Что проявлялось в этическом, религиозном и политическом смыслах и в различных философских интерпретациях – нищенстве, штирнерианстве и анархизме: Кистяковский Б. А. В защиту права // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 115. Немного иная интерпретация взглядов Кистяковского: Engelstein L. Combined Underdevelopment. P. 19.

³³ Рафаэла Фаджионато описывает по сути такую же концепцию свободы без индивидуализма, «открытую» русскими розенкрейцерами в конце XVIII века – концепцию, которая «сильно отличалась от индивидуалистической версии западной секулярной культуры». Интересно, что Фаджионато видит схожесть между этой идеей XVIII века и определением свободы Н. А. Бердяева: «Свобода не есть индивидуализм... Свобода не есть замыкание и изоляция, свобода есть размыкание и творчество, путь к раскрытию во мне универсума» (Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990. С. 57–58; цит. по: Faggionato R. A Rosicrucian Utopia in Eighteenth-century Russia: The Masonic Circle of N. I. Novikov. Dordrecht, The Netherlands: Springer, 2005. P. 156, 179).

³⁴ Достаточно упомянуть, что появление этого антииндивидуализма совпало с возрождением в русской философии идеализма, примером чего служит известный сборник статей «Проблемы идеализма» (1902): Проблемы идеализма. Сб. ст. / Ред. П. И. Новгородцев. М., 1902.

³⁵ Freedен M. The New Liberalism. P. 23. Схожую интерпретацию российского либерализма см.: Beer D. Renovating Russia. P. 18.

³⁶ Эта идея наиболее выражено была представлена: Macpherson C. B. The Political Theory of Possessive Individualism: Hobbes to Locke. Oxford: Clarendon Press, 1962.

³⁷ Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, NJ; Oxford: Princeton University Press, 2003; Hirschman A. O. The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism before Its Triumph. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

³⁸ Майкл Фриден указал на озабоченность «новых либералов» этическими вопросами и на их попытки заново установить связь между моралью и политикой (Freedен M. The New Liberalism. P. 15).

³⁹ Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. P. 376.

Противоположный взгляд – что собственность сама по себе может создать хорошего гражданина – продолжал присутствовать в правительственной программе реформ. Это было заметно в утопической идее П. А. Столыпина создать новый социальный и политический порядок посредством индивидуализации крестьянского землевладения⁴⁰. Тем не менее, как показал Янни Коцонис, российские реформаторы позднеимперской эры, многие из которых были технократами на службе государства, сомневались, что крестьяне были достаточно развиты, чтобы выступить в качестве землевладельцев, и в конце концов понизили статус собственности крестьян с «частной собственности» до эвфемистической «индивидуальной собственности»⁴¹. Как показывает мое исследование, сторонники реформирования собственности оспаривали мнение о пользе, присущей частному владению, и предлагали ввести обширный контроль со стороны экспертов над проявлениями власти собственников всех категорий (в случаях, касающихся владения общественно важными вещами). Позднее большевики, отринув присущие либералам рубежа веков сомнения относительно всемогущества института частной собственности, пошли еще дальше и, таким образом, по иронии, унаследовали веру ранних, классических либералов в преобразующую силу собственности. По их представлениям, эффект *отречения* от частной собственности должен был быть настолько мощным, чтобы изменить не только политический порядок, но и самих людей.

«Реформа собственности» в дореволюционной России понималась широко: не просто как набор новых законов, но также как изменение практик определения ценностей – как в общественной, так и в частной жизни. Другими словами, сторонники введения института публичной собственности стремились изменить отношение к определенным категориям вещей со стороны собственников, законодателей и широкой публики. Неудивительно поэтому, что собственность сама по себе оказалась в центре обсуждения того, что формирует социальность, публику. Речь шла не о владении собственностью вообще, а скорее о владении вещами, которым придается общественное значение, как, например, природные ресурсы, исторические памятники и идеи.

Согласно антропологическим исследованиям отношений собственности, операции с материальными и нематериальными объектами владения происходят на двух уровнях: на первом доминируют краткосрочные операции в рамках рыночного обмена, на втором – долгосрочный порядок производства общественных ценностей⁴². В операциях с собственностью на низовом уровне лес служил источником материального богатства, измеряемого в кубометрах древесины; поместья аристократов XVIII века в качестве недвижимости измерялись в десятинах и оценивались в рублях, а литературные произведения рассматривались как объекты торговли между издателями и писателями. В то же время, выступая в роли символа нравственных ценностей, леса ассоциировались с уникальной российской природой, а семейные поместья или литературные произведения становились сокровищами национальной культуры, носителями культурной памяти и средствами нациестроительства. Общество, или «публика», как субъект прав собственности рассматривалось в качестве главного участника обмена на уровне культурных ценностей.

Как показано в этой книге, появление нового представления об отношениях собственности было первоначально вызвано концептуализацией абстрактных сущностей, таких как «при-

⁴⁰ Pallot J. Land Reform in Russia, 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Ch. 2.

⁴¹ Kotsonis Y. The Problem of the *Individual* in the Stolypin Reforms // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12. № 1. P. 25–52. По наблюдениям Янни Коцониса, бюрократы в столыпинском правительстве намерены были создать новую модель «частной собственности без индивидуальной автономии или права свободно распоряжаться» (p. 29).

⁴² Parry J., Bloch M. Introduction: Money and the Morality of Exchange // *Money and the Morality of Exchange* / Ed. by J. Parry and M. Bloch. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 26–27. Благодарю Сергея Ушакина за указание на эту работу. Об этом направлении в экономической антропологии см. также: Hann C. M. Introduction: The Embeddedness of Property // *Property Relations: Renewing the Anthropological Tradition* / Ed. by C. M. Hann. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 32–34.

рода», «исторические памятники», «искусство» и «литература». Прикрепление одного из этих ярлыков к объекту собственности означало возвышение его с уровня приземленных экономических операций до общественной сферы, к которой неприменимы обычные экономические законы. Преходящий статус частной собственности казался второстепенным, даже незначительным по сравнению с «вечной» общественной собственностью нескольких поколений, чьи права на обладание общими вещами соединяли прошлое и будущее.

Рассмотрение с этой точки зрения политики имперской России в вопросе о собственности позволяет включить в повествование о реформах новых действующих лиц – экспертов лесного хозяйства, инженеров, экономистов, литературных критиков, искусствоведов, архитекторов. Все они утверждали свой авторитет творцов «общественного мнения», определяющих ценность вещей и тем самым создающих само общественное достояние⁴³. Выбор экспертами необходимых критериев для определения – что является историческим памятником, например – приводил к серьезным последствиям, поскольку именно экспертиза решала, подлежал ли тот или иной объект общественному владению или годился для частного присвоения. Когда российские историки искусства в начале 1890-х решили, что многие древние иконы – предметы искусства, они столкнулись с ожесточенным сопротивлением со стороны их номинального владельца, Православной церкви, которая не соглашалась с требованиями искусствоведов перенести иконы из церквей в публичные музеи. Литературные критики, пытаясь составить план реформы законодательства об авторском праве, обсуждали, как определять литературное произведение. По их мнению, если письмо умершего писателя считается предметом литературы, то публика должна иметь право прочитать его, невзирая на соображения о собственности и нравственные интересы семьи писателя. Схожим образом, специалисты по лесам и водным ресурсам и многие другие эксперты обсуждали, какого рода природные ресурсы (и какие виды животных) должны быть взяты под охрану общества и, следовательно, подняты до статуса «общественных вещей»⁴⁴.

Дилемма «частный интерес/общественная собственность» не оставалась только в сфере политических дебатов и юридических соображений. Очень многие люди столкнулись с этим выбором на своем личном опыте. Истории Павла Михайловича Третьякова, основателя знаменитой коллекции картин в Москве, его соратника Ильи Семеновича Остроухова и Прасковьи Сергеевны Уваровой, возглавлявшей Московское археологическое общество, – людей, нашедших разные способы уравновесить свои личные интересы в области коллекционирования и интересы защиты национального искусства, принадлежащего «обществу», – представляют примеры того, как идеология общественного достояния влияла на жизнь людей.

Споры о том, как лучше охранять исторические памятники, даже приводили к судебным разбирательствам – таким, как дела страстного коллекционера-любителя древнерусского искусства княгини Марии Клавдиевны Тенишевой или реставратора икон Евгения Ивановича Брягина, попавшего в итоге в тюрьму. В литературной области конфликт коренился в противоречии между по существу частной, интимной природой творчества и тем фактом, что продукт этого глубоко личного опыта приобретал ценность только после публикации. Попытки Александра Сергеевича Пушкина защитить свои произведения от плагиата и незаконного воспроизведения отражает его желание не только обеспечить свой доход, но и огородить свою частную

⁴³ Эмиль Дюркгейм так описывал приобретение различными вещами статуса объектов собственности: «Именно общественное мнение в каждом обществе определяет, какие объекты подлежат присвоению, а какие нет: не их физическая природа, как это могут определять естественные науки, но формы, которые принимают их образы в общественном сознании. Определенная вещь, которая вчера не могла быть присвоена, сегодня уже может быть присвоена и наоборот» (*Durkheim E. The Nature and Origins of the Right of Property // Durkheim and the Law / Ed. by S. Lukes and A. T. Scull. New York: St. Martin's Press, 1983. P. 159*).

⁴⁴ Теодор Штейнберг описал, как переименование вещей (он писал о природных объектах – реках, озерах) влияет на их статус как собственности. См.: *Steinberg T. Identity Crisis in Bayou Country // Steinberg T. Slide Mountain, or The Folly of Owning Nature. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 52–81*.

литературную жизнь от публики. Несколькими десятилетиями позже Лев Николаевич Толстой осудил приватизацию литературных произведений, однако его попытка сделать публику своим законным наследником и владельцем его литературной собственности не увенчалась успехом. Эта неудача углубила сомнения в том, что общество может стать законным субъектом собственности в самодержавном государстве. Похожий вопрос – о том, кто становится владельцем природных ресурсов после их национализации – встал, когда группы предпринимателей инициировали (почти одновременно) кампанию против частных владельцев рек и природных ископаемых. Опыт инженеров, боровшихся с сопротивлением земельных аристократов (среди них знаменитые Воронцовы-Дашковы), и истории о крестьянах, которые оказались владельцами угольных залежей в Донецком бассейне, также отражают человеческое измерение моей темы.

Идея создания общественного достояния затрагивалась в различных проектах политических, социальных и культурных преобразований. Для большинства экспертов работа над этими вопросами представляла собой путь к власти, поскольку предполагаемое общественное достояние должно было управляться элитой профессионалов – то есть такими, как они. Знание как власть в современном государстве, предмет многих исследований, занимает заметное место и в моем рассказе, хотя оно предстает здесь немного в другом ракурсе. Некоторые сторонники общественного достояния считали необходимым проведение программы культурных преобразований, веря, что обобществление вещей в конечном счете создаст массу образованных людей, восприимчивых к либеральным политическим идеям. Можно интерпретировать эту идею как попытку построения чаемого «гражданского общества» посредством обеспечения его общим материальным фундаментом, предметом общей заботы и совместного пользования. В то же время защитники общественной собственности имели более прозаические интересы, стремясь укрепить свой статус. Хотя идея общественной собственности оставалась политически неприемлемой и чужеродной для самодержавия, ее все же пытались использовать некоторые технократы в правительстве. Например, идея о водах как *res publica* служила главным обоснованием для установления государственного контроля над водными ресурсами на Кавказе и в Центральной Азии. Однако авторы этих первых российских законов об использовании водных ресурсов «творчески переработали» либеральную концепцию общественной собственности для нужд колониального управления, заменив понятие «общественная» на «государственная».

Контуры нового порядка в области собственности оставались размытыми: некоторые, как, например, эксперты по лесному хозяйству, выражали свою безусловную веру в (реформированное) государство как в наилучшего управляющего общественными ресурсами; другие сохраняли крайне скептическое отношение и настаивали на полном устранении государственных институтов из управления общественным достоянием. Общим для этих проектов государственных реформ было стремление преобразовать огромную и плохо управляемую сферу государственной собственности – сферу безраздельного контроля царской бюрократии – в современное общественное достояние, управляемое или общественными институтами, или государственными службами от имени общества. Другими словами, эти реформаторы стремились к деиндивидуализации государства, к тому, чтобы оно было лишено статуса частного владельца.

Разнообразие мнений о том, как институционализировать общественное достояние, происходило из внутреннего противоречия, присущего замыслу: самодержавный режим отказывался признать общество как политическую или юридическую сущность, имеющую представительство. В таком случае, кто выступал бы от лица этой неинституционализированной публики? Кто управлял бы общественными ресурсами от имени народа? В отсутствие институтов, представляющих общество и наделенных его доверием, эти вопросы приобретали особую политическую значимость. Конституционная реформа 1906 года не изменила ситуацию:

правительство продолжало отрицать существование общества как носителя суверенитета вне государства, тогда как сторонники общественной собственности, в свою очередь, отказались признать Думу политическим воплощением общества.

В Европе идея общественного достояния редко приобретала такое отчетливо политическое значение. Как показала Кэрол Роуз, наличие «настоящей общественной собственности», отличной как от чисто частной собственности, так и от общественной собственности, подконтрольной правительству, присутствовало в британском общем праве со Средних веков. Установление либерального экономического порядка в Англии и Соединенных Штатах не принесло изменений в сферу общих вещей, «находившихся в коллективном „владении“ и „управлявшихся“ всем обществом»: дороги, улицы, реки и места общего отдыха сохранили свой статус, освященный традицией. Суды стали признавать право собственности «неорганизованного общества», несмотря на первоначальные трудности с разработкой защиты интересов невидимого владельца⁴⁵. Более важно, что конституционный образ правления сделал различие между «обществом» и «государством» если не полностью бессмысленным, то по крайней мере не имеющим политического значения. В континентальной Европе процесс формирования общественного достояния, отдельного как от частного, так и от государственного владения, был ускорен Французской революцией, провозгласившей народный суверенитет, который подкреплялся властью народа распоряжаться общественными вещами. На римскую *res publica* ссылались как на источник этой юридической модели, придавая ей таким образом более законный и универсальный вид. К концу столетия почти все европейские своды законов признавали существование публичной собственности, которая продолжала развиваться и охватывать многие объекты, считавшиеся ранее частными.

В России же многие из этих условий развития общественного достояния отсутствовали: предметы общественного интереса оставались в составе частных землевладений, а распространившиеся в континентальной Европе революционные изменения в гражданских законах не оказали большого влияния на практику российского самодержавия. Однако влияние идеи публичной собственности тем не менее сказывалось. Как надеялись сторонники этой идеи, образование общественного достояния заменит отсутствующий элемент – народный суверенитет, таким образом создавая материальное основание для появления гражданского общества и помогая усилить соединительные связи в обществе, разделенном на множество сословных и культурных сегментов. Кэрол Роуз напоминает современным юристам и политикам, что «главный урок, выведенный из доктрин девятнадцатого века» заключается в том, что общие вещи важны для формирования общности; без публичной собственности общество превращается в бесформенную толпу⁴⁶. Российские интеллектуалы, боровшиеся за право общества владеть общими вещами, придерживались сходной и даже более амбициозной программы. Они исходили из того, что можно создать нацию, дав ей материальное основание в виде общих вещей. В результате эта программа предлагала альтернативу радикальным политическим доктринам, которые в конечном итоге стали главенствующими в Российской революции. Идея общественного достояния была нацелена на исправление социальной несправедливости, выросшей на почве частной собственности, но без полного уничтожения этой собственности. Напротив, частная собственность была необходима для создания новой системы, предполагающей разнообразие форм собственности.

Структура этой книги отражает сложность рассматриваемой проблемы. Я начинаю с вводной главы, которая содержит общую картину развития идеи собственности в России от Петра Великого до Великих реформ. В этой главе я фокусируюсь на проблемах согласования частных интересов с нуждами государства и общества и прослеживаю, как в 1820–1840-х годах

⁴⁵ Rose C. The Comedy of Commons: Custom, Commerce, and Inherently Public Property.

⁴⁶ Ibid. P. 781.

идея общественности проникла в дискурс о собственности. Эта глава также дает в качестве примера описание первого столкновения между либеральной теорией собственности и идеей защиты природы.

Основной текст книги разделен на три части: первая посвящена природным ресурсам, вторая – историческим и художественным памятникам, а третья – авторскому праву. Каждая часть состоит из глав, в которых рассматриваются или различные объекты, вызывавшие споры (леса, воды, полезные ископаемые, иконы, археологические находки), или особые проблемы, такие как создание публичных пространств как мест охраны национального наследия, право наследников писателей контролировать судьбу своего наследства и проблема защиты авторских прав иностранцев. Эта структура, ориентированная на объекты и проблемы, представляет читателю различных участников дебатов и показывает, как одна и та же идея появилась независимо (и одновременно) в различных сферах. Предупреждая возражения против сравнения таких, казалось бы, далеких друг от друга сфер, как горное дело, лесоводство, охрана памятников и издательское дело, я подчеркну, что идея общественного достояния пронизывала все эти области. Читатель увидит поразительную схожесть в вопросах, поднятых в дискуссиях о сохранении лесов и икон, в обсуждении «горной свободы» и «свободы перевода». Мы, конечно, редко найдем между этими отдаленными сферами личные связи, подобные тем, что описаны в книге Карла Шорске «Вена на рубеже веков», образцовом историческом анализе перемен, синхронно происходивших в разных областях культуры и политики. В конце концов, специалисты по лесному хозяйству вряд ли могли встретиться в кафе с литературными критиками. Они принадлежали к разным группам раздробленной российской элиты. Однако созвучие их идей или, как пишет Шорске, «всеобщая и достаточно неожиданная трансформация идей и ценностей»⁴⁷, синхронность перемен во взглядах на собственность в различных областях предполагает существование общего направления и единого интереса в формировании общественного достояния.

Книга завершается коротким эпилогом, в котором я заглядываю в историю права собственности и судьбу идеи общественной собственности в советский период. Характерно, что идея общественного достояния была отвергнута в 1917 году и затем пережила короткое возрождение в 1920-х. В конечном итоге она оказалась несовместимой с социалистическим строем. Однако дореволюционные проекты создания общественного достояния в значительной степени предвосхитили реформы, проведенные большевистским государством позднее, включая экспроприацию общественно важных ресурсов. Идея коллективной свободы общества оказалась противоречивой и амбивалентной, способной вызывать противоположные интерпретации: одну – либеральную, а другую – тоталитарную.

⁴⁷ Schorske C. E. *Fin-de-siècle Vienna: Politics and Culture*. New York: Vintage Books, 1981. P. xxvi (см. рус. пер.: Шорске К. Э. *Вена на рубеже веков*. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2001. С. 19).

Часть 1. Кому принадлежит природа?

***Забота об окружающей среде, индустриализация
и политика в отношении собственности***

Глава 1

Что такое собственность

В начале 1802 года, через несколько месяцев после вступления на престол Александра I, Негласный комитет – неформальное правительство, состоявшее из либеральных друзей юного императора, – собрался для обсуждения отчуждения земель в устье реки Эмбы в Астраханской губернии и судьбы рыбной монополии в этом районе Каспийского моря. В самой Эмбе было нечто таинственное: спускаясь с Мугоджарских гор Уральского хребта, эта река была знаменита своим извилистым течением, которое часто менялось и только весной во время половодья достигало Каспийского моря, в остальное время теряясь в болотах. Во время половодья, однако, Эмба была богата осетром, что превращало рыбную монополию в этом районе в доходное предприятие. Кроме того, река иногда считалась (ошибочно) границей между Европой и Азией. Вполне символично, что в 1799 году Павел I пожаловал земли и рыбную монополию в устье Эмбы графу Ивану Павловичу Кутайсову, турецкому пленному (в 1770 году десятилетним мальчиком он был захвачен российской армией во время штурма Бендер и послан как трофейный подарок Екатерине Великой), бывшему своему брательнику и камердинеру, которого он сделал бароном и графом и назначил главой Егермейстерской канцелярии. Царский подарок Кутайсову был не просто актом своеволия, он был неправомерным: согласно имперским законам, морские прибрежные земли, в отличие от речных, не могли находиться в частном владении. После смерти Павла возмутительный захват общественных прав на рыбный промысел у реки Эмбы был представлен на рассмотрение Негласного комитета Александра I. После нескольких заседаний комитет выработал три варианта решения, ни один из которых не нашел существенной поддержки. Наконец, советник Александра англофил Николай Семенович Мордвинов написал по этому поводу записку, которая принесла ему репутацию бескомпромиссного либерала.

Император, писал Мордвинов, мог бы объявить пожалование своего отца незаконным: «...неограниченную волею одного государя воды сии отданы частному человеку; неограниченная воля другого государя... может их взять обратно». «Определить за них вознаграждение, большее или меньшее, или не определять никакого, зависит от его хотения. Тут не может быть вопроса ни о справедливости, ни о несправедливости», – продолжил Мордвинов, воображая таким образом, как деспотический правитель мог бы разрешить этот вопрос⁴⁸. Однако Александр I выбрал для себя другую роль – защитника собственности и власти закона. Поэтому, писал Мордвинов далее, правительство должно признать права собственности, которые даны Кутайсову законом (то есть царской волей), каким бы произвольным и возмутительным ни было пожалование.

Закон собственности признается в России вообще непоколебимым, следовательно, и собственность графа Кутайсова должна быть неотъемлема. ... на собственность частную в России правительство не больше имеет права, как и всякий частный человек. <...> А посему, сколько бы исключительное владение каким-либо имением ни казалось противным общему благу, не можно для сего взять его в общее употребление, ибо нет у нас закона, чтоб для общего блага

⁴⁸ Мнение Мордвина о Эмбенских рыбных ловлях // Архив графов Мордвиновых. СПб.: Тип. Скороходовых, 1902. Т. 3. С. 215. О Мордвинове см.: *Dmytryshyn B.* Admiral Nikolai S. Mordvinov: Russia's Forgotten Liberal // *Russian Review*. 1971. Vol. 30. № 1. January. P. 54–63; *McCaffray S. P.* What Should Russia Be? Patriotism and Political Economy in the Thought of N. S. Mordvinov // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. № 3. Autumn. P. 572–596; *Repczuk H.* Nicholas Mordvinov (1754–1845): Russia's Would-be Reformer (неопубликованная диссертация. Columbia University, New York, 1962).

лишать имений частных людей, да я и не знаю, чтоб где-нибудь был такой закон терпим и полезен: ибо никогда общее благо не зиждется на частном разорении.

Мордвинов здесь близко к тексту пересказал (без указания на источник) «Комментарии к английским законам» Уильяма Блэкстона⁴⁹. Мордвинов настаивал на том, что надо получить согласие Кутайсова на отчуждение морского побережья и заплатить ему достойную компенсацию. Если Кутайсов нарочно потребует чрезмерно высокую плату за отчуждаемое имущество, правительство должно удовлетворить его желание. Предвидя возражения против такой несправедливости, Мордвинов утверждал, что общественная польза от охраны прав собственности превысит финансовые потери государства⁵⁰.

Правительство и царь поддержали мнение Мордвинова. Граф Кутайсов, к которому в высшем обществе относились с насмешкой и презрением, получил 150 тысяч рублей компенсации за рыбные промыслы и морское побережье, которые были объявлены открытыми для «общего употребления»; частная монополия на рыбную ловлю была осуждена как «вредная для края и всего государства»⁵¹. Мордвиновский меморандум о рыбной ловле на реке Эмбе – своеобразный манифест в защиту частной собственности – стал необычайно популярен: он распространялся в рукописных копиях и его читали еще десятилетия спустя. В 1859 году Александр Герцен опубликовал этот меморандум в неподцензурном издании в Лондоне среди других документов, которые он считал важнейшими для истории России, таких как проект Государственной уставной грамоты 1819 года и материалы о загадке происхождения Павла I⁵². Н. С. Мордвинов продолжил свою деятельность в качестве неофициального члена команды реформаторов Александра I⁵³, являясь владельцем земель и крепостных крестьян. Отмечая безнравственность владения крепостными, он относился к крепостничеству как к публичному институту. Как это часто бывало, прогрессивные принципы управления во владениях Мордвинова и его несобственническая власть над крепостными привели их в более тяжелое положение, чем патернализм менее прогрессивных дворян⁵⁴. Такова была горькая ирония раннего российского либерализма, пытавшегося внедрить в крепостнической самодержавной России перенимавшиеся с Запада высокие идеи.

Дело об Эмбе можно интерпретировать в нескольких различных аспектах: как замечательный пример «дней Александровых прекрасного начала» и как проявление растущей популярности экономического либерализма, преданным приверженцем которого был Мордвинов. И конечно, это дело символизировало отход от традиции российского самодержавия начала XVIII века, когда каждый дворцовый переворот или просто политические перемены при дворе – когда в немилость впадали некогда влиятельные фавориты – сопровождалось разделом их богатств между победителями в политических интригах. Российское самодержавие,

⁴⁹ Ср.: «Тщетно бы кто толковать хотел, что общественное благо должно предпочитать частному; сие правило показалось бы весьма опасным, и потому никогда не допустит закон наш, чтоб частный человек или какое судебное место могло судить о том, что сходно с общественным благом, и что оному противно. Впрочем, общество ни о чем столько не печется, как о сохранении прав каждого частного человека»: *Блэкстон У.* Истолкования аглинских законов г. Блэкстона / Пер. С. Е. Десницкий при участии А. М. Брянцева: В 3 кн. М.: Тип. Н. Новикова, 1780–1782. Кн. 1. С. 360 (*Blackstone W. The Rights of Persons // Blackstone W. Commentaries on the Laws of England: In 4 vols. Clark, NJ: Law Book Exchange, 2007. Vol. 1. P. 134–135*).

⁵⁰ Мнение Мордвинова о Эмбенских рыбных ловлях. С. 216–218.

⁵¹ Вера Мордвинова в значение частной собственности заходила так далеко, что он даже выступил против деприватизации рыбной ловли на Каспийском море. Под влиянием идеи Адама Смита о том, что право собственности превращает пустыни в сады, Мордвинов защищал частную монополию и приватизацию поместий на побережье. По этому вопросу правительство выступило против рекомендаций Мордвинова и сохранило морские воды для общественного пользования. См.: Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Собрание 1. Т. XXVII. 27 августа 1802 г. № 20388.

⁵² [Герцен А. И.] Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне. Лондон: Trubner and Co., 1861. Т. 2. С. 159–167.

⁵³ До своего назначения в 1810 году главой Департамента дел гражданских и духовных Государственного совета.

⁵⁴ *Kingston-Mann E.* In Search of the True West: Culture, Economics, and Problems of Russian Development. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. P. 66–67.

по словам Мордвинова, решило связать себя с приверженностью принципу частной собственности и отречься от деспотических практик прошлого. Решение Негласного комитета, однако, было проявлением перемен, произошедших в идеологии российского самодержавия несколькими десятилетиями ранее, во время правления Екатерины Великой и по ее инициативе. Как российские властители пришли к идее, что уважение частной собственности является оплотом самодержавия? Что означало это уважение к собственности в контексте российского монархического строя?

ЕКАТЕРИНА II И ИЗОБРЕТЕНИЕ АБСОЛЮТНОЙ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Хотя историки и расходятся относительно отдельных аспектов развития права собственности в допетровской и петровской России⁵⁵, большинство все же соглашается с тем, что основы современной системы собственности были заложены в царствование Екатерины II, которая подтвердила свободу дворян от бремени обязательной службы и установила неприкосновенность частной собственности дворян как их особую монополию и привилегию⁵⁶. Как бы ни складывалась история собственности до ее правления, Екатерина претендовала на роль создательницы права собственности в России. В целом претензии Екатерины небезосновательны: идея собственности-как-свободы и само слово «собственность» в его новом значении появились в России именно во времена ее «просвещенного» правления⁵⁷.

Иначе и быть не могло: Россия середины XVIII века была открыта идейным влияниям Европы, а идея собственности именно в этот период владела умами европейских политиков и мыслителей. Философы и экономисты всех мастей и убеждений признавали ключевую роль собственности для политического, социального и экономического благоденствия государства. Неудивительно поэтому, что российские интеллектуалы, включая саму императрицу, с готовностью восприняли и усвоили эти идеи. Однако всем известно, насколько избирательна была Екатерина в выборе моделей для заимствования (и это вызывало сомнения в искренности ее приверженности идеям Просвещения). Из богатого арсенала западных политических и социальных концепций собственности она выбрала те, которые, по ее мнению, более всего подходили к российским условиям, и даже эти идеи были подвергнуты существенной переработке.

Наиболее ярко представления Екатерины о собственности выражены в ее известном «Наказе», адресованном законодательной комиссии, созданной в 1767 году для составления нового уложения. Этот документ, представляющий собой компиляцию идей, почерпнутых из трудов европейских мыслителей, дает возможность оценить, как именно Екатерина видела институт собственности в самодержавном государстве. В «Наказе» провозглашалась важность частной собственности, а «честь, имение, жизнь и вольность граждан» связывались с правильным устройством суда и утверждалось, что «там, где никто не имеет ничего собственного», не может процветать земледелие. В другом документе – «Генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового уложения» – почти дословно процитирован фрагмент

⁵⁵ Weickhardt G. G. Pre-Petrine Law of Property // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. № 4. P. 663–679; Pipes R. Was There Private Property in Muscovite Russia? // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 524–530; Weickhardt G. G. Was There Private Property in Muscovite Russia? (Response to Richard Pipes) // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 531–538.

⁵⁶ О «появлении» частной собственности в России см.: Pipes R. Private Property Comes to Russia: The Reign of Catherine II // *Cultures and Nations of Central and Eastern Europe: Essays in Honor of Roman Szporluk* / Ed. by Z. Gitelman et al. Cambridge, MA: Ukrainian Research Institute; Harvard University, 2000. P. 431–442.

⁵⁷ Само слово «собственность» существовало в русском языке и до Екатерины. Например, мирный договор, заключенный по окончании Северной войны в 1721 году, предписывал, что король Швеции уступает завоеванные Россией земли в «совершенное непрекословное владение и собственность» русского царя. См.: Указы блаженные и вечnodостойныя памяти Государя Императора Петра Великого самодержца всероссийского, состоявшиеся с 1714 по кончину Его Императорского Величества. СПб.: Императорская Академия наук, 1739. С. 333.

«Духа законов» Шарля Монтескьё, в котором подчеркивается неприкосновенность собственности⁵⁸. Здесь же речь идет о том, что если «для пользы общей потребна земля, частному человеку принадлежащая», то государство должно, действуя в рамках частного, а не публичного права, компенсировать его убытки, так как права «каждого особого гражданина» равноценны правам «целого общества»⁵⁹.

Одним из самых важных нововведений наказа генерал-прокурора было появление новой терминологии. Во введении к документу впервые встречается слово «собственность», а не более абстрактные понятия, бывшие в ходу ранее и использованные в «Наказе» Уложенной комиссии – такие, как «имение», «богатство» или «свое собственное». Таким образом, Екатерина легитимизировала использование слова «собственность» для обозначения правового института и личного права, и термин вскоре прижился в российской юридической лексике⁶⁰. Контекст, в котором термин «собственность» использовался в генерал-прокурорском наказе, подчеркивал его правовое и политическое значение, например предостерегая от смешения государственного права и гражданского. Государственное право «подтверждает вольность», а гражданское право – «собственность»⁶¹. В коротком меморандуме «О собственности» Екатерина впервые добавила для характеристики собственности прилагательное «личная», тогда как «Наказ» использовал выражение «имение людей частных». Стоит заметить, что, по утверждению Тома Бетелла, в английском праве выражение «частная собственность» (private property) появилось лишь в XIX веке; тогда же и российские правоведы и экономисты начали применять это понятие⁶².

Труды Уложенной комиссии 1767 года, как известно, остались незавершенными⁶³. Однако идея неограниченной частной собственности, появившаяся в «Наказе» и обсуждавшаяся в Комиссии, была успешно применена в последующем законодательстве екатерининского времени. В 1782 году императрица распространила права частной собственности дворян не только на поверхность земли, но и на другие природные ресурсы – недра, воды (реки и озера) и леса. В результате российское дворянство приобрело права, равных которым не было в континентальной Европе⁶⁴. Однако возвышенные идеи свободы собственности были применены в социальной системе, основанной на крепостном праве, что впоследствии, при отмене крепостничества, сказалось на функционировании системы прав собственности. Екатерининские законы о собственности, особенно те, которые касались природных ресурсов, просуществовали почти без изменений до 1917 года. Исключение составляло лишь законодательство о лесе, подвергнутое пересмотру в 1888 году.

Желание Екатерины во что бы то ни стало наделить дворян собственностью на природные ресурсы может показаться странным и необоснованным. Однако свобода распоряжения богатствами земли имела важный символический смысл и, разумеется, экономическое значение. В Европе Старого порядка владение недрами, водами и лесом символизировало неприкосновенность сеньориальных привилегий, которые исчезли после Французской революции. Статус рек и лесов может поэтому служить индикатором особенностей политического режима. Россия не была исключением в этом смысле, хотя развитие права собственности здесь имело несколько

⁵⁸ О влиянии Монтескьё см.: *Трубецкой П.* Об отчуждении собственности для блага общественного по французскому законодательству. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1864. С. 6.

⁵⁹ ПСЗ I. Т. XVIII. № 12950. Ст. 11.

⁶⁰ См., например, систематизацию законов Семена Ефимовича Десницкого, первого российского правоведа. Десницкий классифицировал собственность как «право» (*Десницкий С.* Русская философия собственности XVIII–XX вв. / Ред. К. Исупов, И. Савкин. СПб.: Ганза, 1993. С. 17).

⁶¹ ПСЗ I. Т. XVIII. № 12950. Ст. 11.

⁶² *Bethell T.* The Noblest Triumph: Property and Prosperity through the Ages. New York: St. Martin's Press, 1998. P. 99.

⁶³ О работах комиссии, в частности в области регулирования прав собственности, см.: *Омельченко О.* Законная монархия. М.: Юрист, 1993. С. 178–179.

⁶⁴ Там же. С. 213.

иную траекторию. В то время как в континентальной Европе частное владение природными ресурсами являло собой символ феодального прошлого, в России введение частной собственности на реки, недра и леса было представлено как щедрый жест просвещенного монарха и как признание свобод дворянства. В континентальной Европе власть частных лиц над природой была либо упразднена, либо сильно ограничена в результате политических реформ (Франция) или камералистических преобразований (немецкие земли), в то время как в России этот режим сохранялся десятилетиями. Таким образом, «изобретение» частной собственности в середине XVIII века привело к «закрепощению» в частных руках природных богатств. Приватизация лесов, недр и рек создала почву для конфликта частных и публичных интересов и резко поставила мордвиновский вопрос: что более полезно для общества – охрана права частной собственности или предоставление ресурсов в общее пользование?

На двадцатилетие своего правления, 28 июня 1782 года, императрица подписала манифест, провозгласивший право собственников распоряжаться по своему усмотрению водными ресурсами и полезными ископаемыми на своих землях. Екатерина пожелала отметить свой юбилей щедрым законодательным актом, который, как она заявляла, был кульминацией ее политики либерализации в области торговли и промышленности⁶⁵. Манифест запрещал «инако осно<вы>вать заводы, как или на своей собственной земле, или же по добровольному условию с другим», тем самым отменяя «горную свободу» – один из наиболее ярких примеров прагматичного подхода Петра I к собственности своих подданных. В 1700 году Петр провозгласил свободу поиска полезных ископаемых и на частных, и на государственных землях и объявил преступлением сокрытие найденных залежей⁶⁶. «Горная свобода» – право разведки и добычи полезных ископаемых вне зависимости от того, кому принадлежала земля, – обладала такой силой, что на самом деле заставляла землевладельцев, даже если они не хотели этого делать, разрабатывать недра на своих землях – для собственной выгоды и государственного блага. Закон предписывал землевладельцам выполнить желание царя, «дабы Божье благословение под землею втуне не осталось»⁶⁷. Считается, что горное законодательство, наряду с другими протекционистскими, но в то же время волюнтаристскими мерами Петра, обеспечило промышленный рост; однако оно также породило недовольство. Екатерина решила, что свобода владения была лучшим стимулом экономической деятельности, чем свобода поиска полезных ископаемых на чужой земле.

Конечно, ни отказ Екатерины от петровской «горной свободы», ни последующая критика этой екатерининской реформы не были основаны на эмпирических данных об эффективности той или иной модели. Даже сейчас мы не можем судить об экономических последствиях петровской «свободы» и екатерининской приватизации, поскольку этот вопрос недостаточно изучен. Ясно только, что манифест Екатерины приобрел новое значение в следующем столетии, когда Россия стала отставать от более технологически развитых европейских стран и потеряла свои позиции крупнейшего европейского производителя железа. Хотя структура прав собственности вряд ли была среди основных причин этого отставания, именно так стало представляться дело несколько десятилетий спустя. В конце XIX века, когда вдохновлявшая Екатерину идея, что частная собственность является главным катализатором для экономической деятельности, была отброшена наряду с верой во внутренне присущую человеку экономическую рациональность, дворянская монополия на полезные ископаемые стала подвергаться резкой критике как предполагаемая причина отсталости российской тяжелой промышленности. После освобождения крепостных крестьян в 1861 году права собственности на

⁶⁵ ПСЗ I. Т. XXI. 28 июня 1782 г. № 15447.

⁶⁶ ПСЗ I. Т. IV. 2 ноября 1700. № 1815. Закон об учреждении Берг-коллегии затем подтвердил и расширил «горную свободу»: ПСЗ I. Т. V. 10 декабря 1719. № 3464.

⁶⁷ См. также: McCaffray S. The Politics of Industrialization in Tsarist Russia: The Association of Southern Coal and Steel Producers, 1874–1914. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996. P. 10.

недра были автоматически распространены на номинальных собственников земли – крестьянские общины, которые одним росчерком пера превратились в держателей скрытых богатств. Однако, как мы увидим далее, из-за общинной структуры землевладения и плотного бюрократического контроля крестьяне не обладали реальной властью распоряжаться своей землей и ресурсами, и подземные богатства крестьянских земель были недоступны. На самом деле крестьяне часто продавали промышленникам свои права на разработку полезных ископаемых, но из-за ограничений, наложенных на их право распоряжаться землей, формы и методы этих сделок были нерациональны. Таким образом, внедрение частной собственности в социальную систему, основанную на крепостничестве и общинном землевладении, с экономикой, в которой не было рынка труда и свободного обращения земель и товаров, дало результаты, противоположные тем, на которые рассчитывала Екатерина. Ее закон о праве собственности на землю и недра стал миной замедленного действия, которая взорвалась только через несколько десятилетий, когда Россия вступила в период ускоренной индустриализации.

Другим непредвиденным последствием екатерининского закона 1782 года о недрах было то, что в начале XIX века он был распространен на все объекты, находившиеся под землей, включая клады и археологические памятники. Практика применения закона по отношению к памятникам, находящимся под землей, берет начало в деле, рассмотренном в Сенате в 1803 году. Тверской губернатор Иван Михайлович Ухтомский был обвинен в том, что он приказал полиции искать «вымышленный клад» (сундук с «деньгами серебром семьдесят пять тысяч») в имении помещицы Карманалеевой⁶⁸. Дело закончилось заключением под стражу человека, распространявшего слухи о кладе, наказанием полицейских чинов, мучивших пытками двух невинных крестьян помещицы, и выговором губернатору Ухтомскому за нарушение прав собственности Карманалеевой, согласно закону 1782 года о праве собственности на землю и ее недра. Характерно, что Сенат аргументировал свое решение ссылкой на относительно недавнее законодательство о собственности.

Пятьдесятю годами ранее усилия Ухтомского были бы вознаграждены и высоко оценены: длившаяся столетиями административная практика, хотя и не нашедшая отражения в законодательстве, предполагала, что в сферу ответственности местных властей входило расследование всех слухов о кладах, вне зависимости от того, где они были обнаружены, в царских или частных владениях. В XVII–XVIII веках преследуемые по «сыскным делам по кладам» зачастую подвергались пыткам на дыбе, но, разумеется, не могли сообщить местонахождение сокровищ⁶⁹. В отличие от средневековой и раннемодерной Европы, где юридическая практика постоянно подтверждала королевскую привилегию на обладание кладами (даже теми, что были найдены в частной земле), ни один российский закон открыто не утверждал царскую прерогативу на владение кладами. Тем не менее эта прерогатива осуществлялась. Но при этом не было установлено, что сокрытие клада является преступлением. Указ Петра I от 1723 года был первым законом, явно выразившим эту прерогативу. Согласно ему, человек, сообщивший властям «заблаговременно без всякой утайки» о местонахождении клада, «может быть» пожалован царем⁷⁰. Любопытно, что в этом указе клады упоминались наряду с неизвестными правилами залежами руд, которые могли содержать ценные металлы.

Сенатское постановление по делу губернатора Ухтомского, признавая право частной собственности и на материальные, и на исторические сокровища, символизировало радикальное изменение прежней практики. Клады не упоминались в законах о правах собственности, но, как это видно из указа Петра о поощрении поиска руд и кладов, считались таким же даром

⁶⁸ ПСЗ I. Т. XXVII. 7 октября 1803. № 20968.

⁶⁹ *Оглобин Н. Н.* Сыскные дела о кладах в XVII веке // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. 1893. Кн. VII. С. 117–154.

⁷⁰ ПСЗ I. Т. VII. 15 ноября 1723 г. № 4367. Ст. 3.

земных недр. Поскольку клады обычно находятся под землей, Сенат в своем решении посчитал их частной собственностью, находящейся в недрах земли⁷¹. Позднее, со ссылкой на манифест Екатерины 1782 года, решение по делу о мнимых кладах в Тверской губернии, ставшее законом⁷², было включено в Свод законов, в статью, запрещающую всем, в том числе и правительственным властям, искать клады на частных землях⁷³. Сенатское решение 1803 года оставалось единственным законом о кладах в российском законодательстве имперского периода. Парадоксальным и, как думают многие эксперты, пагубным для развития археологии последствием этого решения стало его влияние на археологические раскопки: из-за него государство практически лишилось возможности проводить исследования в частных владениях.

Еще более очевидно екатерининский закон повлиял на использование водных путей. Щедро раздавая земли с крестьянами, лесами и озерами, Екатерина также подарила своим фаворитам огромные поместья вдоль рек, что позволило затем одному из счастливых наследников заявить в 1900 году, что екатерининская «данная» предоставила его предкам в собственность Днепр⁷⁴ (это было заявлено, чтобы предотвратить строительство гидроэлектростанции на реке). В своей щедрости Екатерина также пошла против намерений Петра I, чья политика в отношении водных путей накладывала значительные ограничения на частных землевладельцев: они должны были удалять все препятствия, в том числе водяные мельницы, рыболовные запруды и другие сооружения, которые могли мешать проходу лодок и кораблей⁷⁵. Свобода использования водных ресурсов, провозглашенная Екатериной II, противоречила не только петровской политике централизации, но и попыткам самой Екатерины ограничить приватизацию рек в целях поддержки торговли, для чего надо было обеспечить беспрепятственное плавание речных судов. Екатерина старалась оказать поддержку купцам, жаловавшимся на произвол частных землевладельцев, которые, как утверждали купцы, не позволяли бурлакам проходить вдоль речного берега, а в случае кораблекрушения или не давали купцам высадиться на берег со своим грузом, или захватывали товары с потерпевшего крушение судна и вымогали крупные суммы за их возврат⁷⁶. Однако политика Екатерины в отношении дворянства и особенно манифест 1782 года, напротив, внесли большую путаницу. Двойственные меры Екатерины – централизация управления ресурсами при одновременной поддержке дворянских прав собственности – воплотили в себе противоречие между централизаторскими политическими целями монархии, с одной стороны, и ее желанием поддерживать экономическое развитие,

⁷¹ Россия была единственной европейской страной, которая давала землевладельцам полное право собственности на клад. Законодательства других стран предполагали раздел между нашедшим клад и владельцем земли (иногда также и государством). О европейском законодательстве см.: Hill G. *Treasure Trove in Law And Practice from the Earliest Time to the Present Day*. Oxford: Clarendon Press, 1936.

⁷² ПСЗ I. Т. XXVII. 7 октября 1803 г. № 2096.

⁷³ Свод законов Российской империи, повелением государя Николая Павловича составленный. Законы гражданские и межевые. СПб.: Тип. 2 отд. с. е. и. в. канцелярии, 1842. Т. X. Ст. 430.

⁷⁴ Заявление жены генерал-адъютанта графини Воронцовой-Дашковой 25 января 1900: «...по крепостным актам и на основании генерального межевания, учиненного в 1799 и 1800 гг., половина реки Днепра, в количестве всего 525 десятин, принадлежит мне на праве полной собственности. На основании же ст. ст. 387, 424 и 429 т. X ч. 1 в силу права собственности на реки – владельцу принадлежат не только все камни и острова, как существующие, так и вновь образующиеся, но и право на водяное пространство, в смысле источника извлечения дохода (право рыбной ловли, перевоза, пользования водяной силой для устройства мельниц и проч.)»: Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 190. Оп. 4. Д. 8834. Л. 149.

⁷⁵ Историческая записка о судоходных и сплавных реках по русскому законодательству. Б. м., б. г. С. 16. Считая водные пути (как и полезные ископаемые) собственностью государства, Петр конфисковал все частные рыбные промыслы и затем сдал их в аренду их бывшим владельцам (*Repczuk H. Nicholas Mordvinov (1754–1845): Russia's Would-be Reformer*. P. 108).

⁷⁶ *Истомина Э. Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1982. С. 34. Инструкция для Генерального межевания (1766) определяла, что вдоль берегов судоходных рек должна быть оставлена полоса шириной 10 сажень (21 м) для прохода бурлаков, и это правило, хотя оно редко соблюдалось, вызвало сопротивление землевладельцев (*Журнал Высочайше утвержденной комиссии для пересмотра действительных законов о бечевниках и о порядке объявления рек судоходными и сплавными*. СПб.: Тип. Мин. путей сообщ., 1878. С. 12). Правительство продолжило политику по обеспечению права навигации и ответило на множество жалоб от купцов серией указов, запрещающих вымогательство частных землевладельцев и местных властей на реках, но эти меры мало помогли.

регионализм и права личности, с другой. С этого времени правительство пыталось найти способ согласовать эти противоположные интересы и представления о реках как о частном или общем имуществе.

Возможно, самым большим был разрыв между петровской политикой государственного контроля над использованием лесных ресурсов и екатерининской всеобъемлющей приватизацией лесов. Для обеспечения лесом кораблестроительных задач Петра было издано множество указов, запрещавших рубку в «заповедных» местах вдоль речных берегов и использование определенных («заповедных») пород деревьев для частных нужд⁷⁷. На самом деле, наиболее ценные породы древесины (такие, как дуб) были собственностью государства. Петр также поставил управление лесами страны под контроль Адмиралтейства, основного потребителя древесины в империи. Екатерина II решила отменить режим, регулировавший со времен Петра лесопользование: спустя три месяца после объявления о праве собственности дворян на поверхность земли (включая реки) и ее недра, манифест Екатерины 22 сентября 1782 года отменил все ограничения, которые, по словам этого закона, приносили больше убытков подданным, чем пользы Адмиралтейству. Екатерина предоставила землевладельцам «свободу пользоваться» лесами и запретила любые посягательства на их право собственности. Действуя таким образом, она надеялась удовлетворить экономические нужды государства посредством поощрения развития рынка древесины. Манифест также выражал веру Екатерины в разум ее подданных-дворян, которые, как ей представлялось, «приложат старание их о всевозможном охранении лесов своих от напрасного истребления и о размножении растений их в собственную свою и потомства их пользу»⁷⁸. Как едко заметил столетие спустя анонимный чиновник Министерства государственных имуществ, «в этой надежде великая императрица жестоко ошиблась»⁷⁹. В своей лесной политике Екатерина пренебрегла камералистскими принципами своего времени, которые предписывали правителям стараться тщательно контролировать лесные ресурсы⁸⁰. Большинство экспертов в XIX веке сходились в том, что новая политика открыла двери для массового уничтожения лесов империи. (Эмпирические данные, собранные в 1950 году, показали, однако, что результаты реформы были не столь разрушительными – лесные пространства продолжали сокращаться теми же темпами, что и до реформы⁸¹.)

⁷⁷ Брайан Боном отдает должное Петру Великому за применение наиболее передовой практики лесозаготовок, основанной на подсчетах времени, нужного для роста деревьев: *Bonhomme B. Forests, Peasants, and Revolutionaries: Forest Conservation and Organization in Soviet Russia, 1917–1929*. Boulder: East European Monographs, 2005. P. 16. О петровском лесном законодательстве см. также: *Пробст А. Е. Лесная и топливная политика Петра I // Вопросы экономики, планирования и статистики. Сб. ст. М.: Академия наук СССР, 1957. С. 235–257.*

⁷⁸ ПСЗ I. Т. XXI. 22 сентября 1782 г. № 15518.

⁷⁹ О мерах по охранению частных лесов (ок. 1887) // РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 1916. Л. 121.

⁸⁰ Иоганн Юсти, один из наиболее известных в Европе и в России камералистов, недвусмысленно указывал, что главным врагом лесов была роскошь, которая приносит благо экономическому развитию страны лишь тогда, когда касается промышленных товаров. Однако «неминуемо почувствует великой урон блаженство народа, когда роскошь заставит с излишеством и без нужды издерживать такие вещи, кои принадлежат к потребностям человеческим, и которые при том только малому числу людей доставляют упражнение. Всяк может понять, что и лес состоит в числе сих последних»: *Юстий И. Г. Г. Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния*. СПб.: Тип. Императ. Ак. наук, 1772. С. 146. Географ Петр Иванович Рычков выразил схожую мысль в своей статье, где он критиковал чрезмерное использование древесины для бытовых нужд: «...посредственные дворяне такие пространные дома строят и содержат, каких прежде бояре и самые знатные люди не имели» (*П. Р. О сбережении и размножении лесов // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Ч. 6. С. 86*).

⁸¹ При сравнении материалов Генерального межевания земель со статистикой более позднего времени обнаруживается, что темпы рубки деревьев были приблизительно одинаковы до и после реформы. М. А. Цветков подсчитал темпы сокращения лесов в России в 1696–1914 годах. Согласно Цветкову, с 1796 по 1861 год лесная территория уменьшилась с 44,76 до 42,27 %, и эти темпы не были выше, чем в предшествующий период. Для сравнения: в течение следующих двадцати лет, с 1868 по 1887 год, лесистая территория сократилась с 42,33 до 37,38 %. В десятилетия после принятия екатерининских законов о собственности ежегодные расчистки лесных пространств для сельскохозяйственных нужд происходили даже в меньших масштабах, чем до того. Трудно сказать, насколько точны данные по XVIII веку: Цветков вынужден был экстраполировать данные, чтобы восполнить пробелы в имеющейся информации. Одна кривая сокращения лесов четко показывает, что наибольшее влияние на этот процесс оказала эмансипация крестьян в 1861 году, а не реформы Екатерины (*Цветков М. А. Изменение*

Как же объяснить страстное желание Екатерины раздать природные богатства в частные руки? В первую очередь, эти реформы преследовали весьма прагматичную цель: приватизация рек, лесов и недр означала признание неспособности государства справиться с их управлением, которое требовало значительных финансовых и прочих ресурсов, и, таким образом, реформа освобождала правительство от этого бремени. В конечном итоге попытки Петра I централизовать управление водными путями и лесами, «национализировать» необходимые для строительства флота леса и регулировать частное пользование природными ресурсами закончились ничем. Государственная власть оставалась слабой, на местном уровне почти незаметной, и, кажется, в условиях господства сельского хозяйства в экономике мало кто разделял веру царя в первостепенную важность «общего блага». Водные мельницы и мосты, снесенные по царскому указу, строились заново и продолжали мешать прохождению речных судов, а владельцы судов по-прежнему страдали от притеснений со стороны местных чиновников, откупщиков, землевладельцев и даже крестьян⁸². Так же и петровскую политику в области лесопользования невозможно было поддерживать только силой (например, установлением смертной казни за незаконную рубку деревьев в заповедных лесах), без создания совершенно новой системы управления и контроля. В дискуссиях о праве собственности, развернувшихся в конце XIX века, петровский эксперимент часто представлял идеальным примером государственного регулирования во имя общего блага. Однако участники этих дебатов не заметили, что многое из предписанного петровскими указами никогда не было исполнено. Государственная монополия на природные ресурсы требовала такого механизма управления и контроля, который значительно превышал возможности страны. Неспособность государства предотвратить стихийную приватизацию ресурсов подчеркивает утопический характер петровских планов: государство претендовало на роль, которую в реальности не могло исполнять.

Екатерининская приватизация являлась признанием существующего положения вещей и решала важную проблему: государство избавлялось от активов, которые оно не могло содержать. Таким же образом Екатерина раздавала земли на новых окраинах дворянам и иностранным поселенцам⁸³. Как утверждает Роберт Джонс, знаменитая реформа Петра III – дарование «свободы» от службы дворянам – представляла собой не что иное, как попытку сократить затраты на выплату жалованья⁸⁴. Схожим образом Екатерина пыталась представить как щедрый дар приватизацию, которая на самом деле была необходимостью. Надо сказать, что и впоследствии, в конце XIX века, правительство отказывалось взяться за управление природными ресурсами, ссылаясь на неприкосновенность частной собственности. На самом же деле одной из главных причин этого отказа было отсутствие необходимых средств управления: бюрократический аппарат с трудом справлялся с существующим казенным имуществом. Долгое существование крепостного права тоже, в сущности, во многом объяснялось недостатком административных и финансовых ресурсов: приватизация публичной власти позволяла государству возложить местную власть на помещиков, сокращая государственные расходы и обязательства.

И все же в прагматическом расчете Екатерины было одно упущение: приватизация требовала структурных трансформаций и нововведений. Чтобы эта система заработала, правительство пыталось создать соответствующее институциональное основание. Спустя три года после восшествия на престол, в 1765 году, Екатерина велела провести Генеральное межевание земель. Тысячи землемеров, вооруженные мерными цепями и астролябиями, отправились

лесистости Европейской России с конца 17 столетия по 1914 год. М.: Изд-во АН СССР, 1957).

⁸² ПСЗ I. Т. IX. 5 июля 1734 г. № 6600; *Никольский Ф. С.* Воды общего пользования по русскому законодательству. СПб.: Тип. Мин. путей сообщ., 1883. С. 13–14. В 1734, 1741, 1743 и 1748 годах правительство повторно запрещало чинить помехи проходу судов, но эти правила редко соблюдались.

⁸³ Об этом см.: *Bartlett R. P.* Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia, 1762–1804. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1979.

⁸⁴ *Jones R. E.* The Emancipation of the Russian Nobility, 1762–1785. Princeton: Princeton University Press, 1973. P. 34.

фиксировать границы дворянских владений (дач). Государственная опись частных имуществ представляла собой пример камералистской политики и, как предполагалось, благожелательного вмешательства государства в частные дела. Межевание вполне соответствовало екатерининской щедрой политике в отношении дворянства: многим дворянам удалось увеличить свою собственность за счет государства⁸⁵.

Недостатком межевания было то, что оно длилось десятилетиями и в реальности затруднило проведение реформ в области прав собственности. Например, Екатерина провозгласила лесную свободу в то время, когда межевание земель только начиналось, и в результате границы между частными и государственными лесами во многих случаях так и остались не установленными. Благодаря тому что в структуре российского землевладения накладывались друг на друга многие различные виды владения и пользования, земли и леса было очень трудно разделить, упорядочить и картографировать, поэтому одна пятая всех подлежащих межеванию территорий была оставлена в «общем», или спорном, владении, и вопрос о собственности на эти земли был отложен до проведения «специального» межевания, которое началось только в 1840-е годы⁸⁶. Эта неопределенность наиболее пагубно сказалась на лесах: деревья на этих «общих» землях первыми падали под ударами топоров конкурирующих собственников, дворян и крестьянских обществ: общее владение, утверждал И. Гершман, было важным фактором разрушения лесов России⁸⁷.

Государственные леса также стали жертвой неопределенности в сфере прав собственности, а местные власти не смогли защитить права государственной собственности. Петр Кох, член Вольного экономического общества, писал в 1809 году, что казенные леса «сделались как бы всем принадлежащими»⁸⁸. Дворяне рубили деревья в казенных лесах как в своих собственных⁸⁹. Отсутствие четких границ между землями разных собственников было лишь одной из многих особенностей российской реальности, которые затрудняли развитие прав собственности на практике. Снова следует отметить, что частная собственность была введена в экономическую систему, работавшую по старым правилам и обычаям. Законодательство о собственности (и идеология права собственности) шло вперед, а механизмы, обеспечивающие применение законов, отставали, что уменьшало способность государства эффективно управлять своими ресурсами.

Похоже, однако, что идеологические и политические основания для усиления дворянских прав собственности были едва ли не более важными, чем экономические мотивы. Этим объясняется настойчивость, с которой Екатерина пыталась укоренить идеи собственности в

⁸⁵ Большинство дворян-землевладельцев получили выгоду от межевания. В отличие от предшествующих попыток провести межевание, при императрицах Анне и Елизавете, когда в конечном итоге государство отбирало земли, незаконно захваченные дворянами, Екатерина позволила дворянам удерживать их и разрешила зафиксировать границы поместий на основе реального владения. Общим итогом этого подхода было то, что государство санкционировало переход миллионов десятин земель в собственность дворян (Л. В. Милов дает приблизительную оценку этих земель в 50 млн десятин: *Милов Л. В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М.: Изд-во Моск. университета, 1965. С. 18). Генеральное межевание также позволило правительству собрать ценные сведения о землевладении и о состоянии сельского хозяйства. Материалы «Экономических примечаний», однако, не пользовались большим спросом у бюрократии; только историки смогли извлечь из них значительную пользу. О роли Генерального межевания и последующей практики обмеров и кадастрового картографирования см.: *Христофоров И. А.* Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. С. 42–48, 58–71; *Керимов А. Е.* Докуда топор и соха ходили. Очерки по истории земельного и лесного кадастра в России XVI – начала XX в. М.: Наука, 2007.

⁸⁶ *Гершман И.* Очерк истории землевладения, лесной собственности и лесной политики в России // Лесной журнал (далее: ЛЖ). 1911. № 3. С. 495.

⁸⁷ *Гершман И.* Очерк истории землевладения, лесной собственности и лесной политики в России. С. 503.

⁸⁸ *Кох П.* Краткие замечания о начале и успехе лесного управления в России // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1809. Т. XI. С. 30. Цит. по: *Бейлин И. Г.* Очерки по истории лесных обществ дореволюционной России. М.: Гослесбумиздат, 1962. С. 11.

⁸⁹ *Бильмеринг А.* Указания для определения ценности лесов Европейской России по действительной их стоимости // ЛЖ. 1840. № 20. С. 157–158. Цит. по: *Бейлин И. Г.* Очерки по истории лесных обществ дореволюционной России. С. 12.

русском обществе. Россия необычна тем, что именно императрица стала первой, кто писал о праве собственности и старался развить его политически и интеллектуально. Однако императрица не была ни философом, ни юристом. Она интуитивно схватывала основные черты современных ей просветительских доктрин, при этом часто и, возможно, намеренно не обращая внимания на разницу интерпретаций. Заимствуя из разных источников, Екатерина создавала собственную модель права собственности, которая была совместима с самодержавием и полезна ему.

Какая же из существовавших в XVIII веке моделей собственности более всего подходила для целей Екатерины? Идея абсолютного, неограниченного характера собственности, выраженная в реформах 1780-х годов, весьма схожа с «фанатичной»⁹⁰, по выражению Элизабет Фокс-Дженовезе, защитой собственнических свобод французскими физиократами, которые, провозгласив ценности экономического индивидуализма, вместе с тем отрицали связь между собственностью и политическими правами. Как подчеркивала Фокс-Дженовезе, физиократы пытались освободить собственность от всех политических атрибутов, представляя ее как идеальную основу для иерархического социального порядка. Это видение «собственнического индивидуализма» оставляло мало места для общего блага и в этом смысле противоречило другим теориям собственности, которые интерпретировали этот институт как основу общества⁹¹.

В то же время частная собственность являлась ключевой концепцией для доктрины естественного права, которая составляла этическую основу раннего экономического либерализма. Иштван Хонт показал, что в ранних работах Адам Смит, продолжая линию своих предшественников, Гуго Гроция, Пуфендорфа и Локка, обличал атомистическое, асоциальное видение собственности физиократами как негуманное, поскольку оно превращало частную собственность в орудие государства⁹². Основная предпосылка естественного права – «каждый ограничивает свою свободу так, чтобы не стеснять свободу других»⁹³ – подчеркивала сущностно ограниченный характер частной собственности. В отличие от трудов физиократов, ранние работы экономических либералов фокусировались именно на вопросах справедливости, морали и добродетели⁹⁴. В тот момент дискуссии о собственности в основном касались проблем голода и бедности, которые ставили в трудное положение защитников неограниченной свободы собственности. В России проблема бедности не представлялась настолько важной, отчасти потому что крестьяне, как предполагалось, были защищены от превратностей природы или помещиками, или государством. Таким образом, моральный аспект в дискуссиях о собственности был

⁹⁰ Fox-Genovese E. *Physiocracy and Propertied Individualism* // Fox-Genovese E., Genovese E. D. *Fruits of Merchant Capital: Slavery and Bourgeois Property in the Rise and Expansion of Capitalism*. Oxford: Oxford University Press, 1983. P. 285.

⁹¹ Ibid. P. 284, 288.

⁹² Hont I. *Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. P. 82. Марк Раев в своем известном анализе идеологии полицейского государства XVII–XVIII веков в России и Германии противопоставил «коллективистские» (communal), антииндивидуалистические и государственноческие концепции «социальных прав», которые возникли в камерализме XVII века (и затем повлияли на социальное законодательство континентальной Европы), собственническому индивидуализму Англии. Раев ссылался на всесторонний, подробный анализ развития «социальной идеи» в Европе XVII–XVIII веков в книге Джорджа Гурвича (*Gurvitch G. L'idée du droit social. Notion et système du droit social: Histoire doctrinale depuis 17 siècle jusqu'à fin de 19 siècle*. Paris: Librairie de Recueil Sirey, 1932). См.: Raeff M. *The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach* // *American Historical Review*. 1975. Vol. 80. № 5. P. 1242 (см. рус. пер.: Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // *Американская русистика. Императорский период*. Самара: Самарский университет, 2000. С. 48–79). Кажется, однако, что раскол между индивидуалистическим и коллективистским (или социально-ориентированным) видением не совпадал с границами национальных государств.

⁹³ Krieger L. *The German Idea of Freedom: History of a Political Tradition from the Reformation to 1871*. Chicago: University of Chicago Press, 1957. P. 183.

⁹⁴ Исторические исследования собственности в XVIII веке, как показал Дж. Пурди, также рассматривали этот институт в контексте развития общества, интерпретируя собственность как скорее связующий, нежели разъединяющий компонент общественного устройства: Purdy J. *The Meaning of Property: Freedom, Community, and the Legal Imagination*. New Haven: Yale University Press, 2010. P. 38–39.

значительно менее важным. Частная собственность, как, вероятно, представляла ее себе Екатерина, была даром, а не социальной ответственностью; она была данной государыней привилегией, а не естественным правом.

Иную, весьма отличную от естественного права интерпретацию собственности представляли доктрины раннего европейского консерватизма. Как пишет Джерри Мюллер, ранние консерваторы проповедовали те же ценности, что и философы Просвещения – разум, частную собственность, свободу⁹⁵. Однако смысл этих понятий был различным. Юстус Мёзер, один из самых известных консервативных мыслителей Германии XVIII века, воспевал священную собственность как символ свободы личности и индивидуализма. Однако в его теории смысл индивидуализма, как и само значение собственности, проистекали из средневекового видения социального порядка, с четко разграниченными сословиями и рангами, разделенными не только уровнем благосостояния, но и наследственными правами. «Свобода» в интерпретации Мёзера идентична чести; собственность тоже оказывается в этом смысле связана с честью, политической свободой и патерналистской властью землевладельцев. Защищая собственность, Мёзер признавал гражданскую ответственность, присущую ей, но это была не ответственность любого собственника перед всем обществом, а долг и обязанность сеньора по отношению к своим слугам и крестьянам⁹⁶.

Теория Мёзера может показаться в чем-то весьма похожей на идеи его либеральных современников и предшественников. Он считал, что собственность является основой гражданственности и, как и сторонники доктрины естественного права, рассматривал ее как воплощение общественного договора. Существенная разница, однако, заключалась в деталях и риторике. Контракт, о котором писал Мёзер, связывал правителя и дворян-собственников. Работы Мёзера, как мы увидим, создавали весьма своеобразную консервативную концепцию собственности, пронизанную романтизированными понятиями чести и личности и идеализированной привязанностью к объектам владения. В отличие от более гибкой, универсальной и абстрактной либеральной модели, Мёзер утверждал абсолютный характер собственнических прав и выступал против их ограничений.

Этот краткий обзор дискуссий XVIII века о собственности не исчерпывает всего разнообразия значений, заключенных в понятиях «свобода» и «собственность», которые Екатерина использовала часто, но без объяснений. Императрица могла позаимствовать идеи из любого источника. Мы знаем, что в своем «Наказе» она использовала фразы Шарля Монтескье для описания пользы частной собственности для экономики. В разработке «Наказа» участвовал Семен Ефимович Десницкий, один из двух российских учеников Адама Смита, посещавших его лекции в Глазго; он до конца жизни оставался пропагандистом идей Смита⁹⁷. Н. С. Мордвинов – автор известной записки о реке Эмбе – также начал свою карьеру при Екатерине с поездки в Англию, вернувшись оттуда поклонником британской политэкономии. Императрица, как установил Марк Раев, читала «Комментарии» Уильяма Блэкстона, хотя, возможно, и пропустила раздел о собственности⁹⁸. Политические работы Локка, запрещенные в России, могли дойти до нее в многочисленных интерпретациях, в том числе в теоретических работах о собственности. Реконструировать все источники влияний на взгляды Екатерины по этому вопросу сложно: интеллектуальный ландшафт Европы эпохи Просвещения был очень пестр,

⁹⁵ Muller J. Z. Justus Möser and the Conservative Critique of Early Modern Capitalism // *Central European History*. 1990. Vol. 23. № 2–3. P. 155.

⁹⁶ См. похожую романтическо-патерналистскую интерпретацию собственности в идеологии рабовладельческого Юга: Alexander G. S. *Commodifying Humans: Property in the Antebellum Legal Discourse of Slavery* // Alexander G. S. *Commodity & Propriety: Competing Visions of Property in American Legal Thought, 1776–1970*. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

⁹⁷ McCaffray S. P. What Should Russia Be? Patriotism and Political Economy in the Thought of N. S. Mordvinov // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. № 3. Autumn. P. 572–596.

⁹⁸ Raef M. *The Empress and the Vinerian Professor: Catherine II's Projects of Government Reforms and Blackstone's Commentaries* // Oxford Slavonic Papers: New series. 1974. Vol. VII. P. 24.

и вряд ли получится точно определить место императрицы на этой ментальной карте. Стремясь к достижению нескольких целей одновременно – создать имидж империи как «нормального» государства, заслужить поддержку дворян и решить проблемы экономического управления, – она совмещала противоречивые элементы из разных концепций. Провозглашение свободы частной собственности было заведомо выигрышным политическим и риторическим ходом. В то же время приватизация ресурсов не несла с собой социальных рисков по причине патриархального строя российской экономики, основанной на крепостном праве.

Каковы бы ни были источники вдохновения для императрицы, очень важно подчеркнуть, что провозглашение права частной собственности в России не являлось проявлением либерального мышления, поскольку в XVIII веке (так же как, впрочем, и в XIX) идея частной собственности представляла собой «общее достояние» и «либералов», и «консерваторов». Собственность могла быть истолкована и как наследственная вотчинная привилегия, и как индивидуальное естественное право; представлялось, что она проистекала из монаршей власти или была результатом контракта между членами общества. Хотя историки относят законы о собственности на счет влияния физиократов⁹⁹, похоже, что екатерининские представления о собственности и свободе были близки к идеям Мёзера, который суммировал немецкие теории в своих рассуждениях о связи гражданских свобод с властью государства. В рамках этой доктрины, как показал Леонард Кригер, «монархическое государство было... источником и свободы, и порядка»¹⁰⁰. В России XVIII века как «свобода», так и «собственность» оказывались неотделимы от власти монарха¹⁰¹.

«Нет возможности понять права собственности без вольности»¹⁰², – писала Екатерина, самодержец страны, миллионы жителей которой были привязаны или к земле, или к своим владельцам и, соответственно, лишены обеих составляющих этой формулы. Несомненно, реформы собственности являлись частью екатерининского проекта «дарования свобод»: подтверждая свободу дворян от службы, Екатерина очищала право собственности от условий и обязательств¹⁰³. Петр I не мог бы ввести частную собственность в том смысле, в каком этот термин понимался в России конца XVIII века, поскольку все подданные императора – от самого простого крестьянина до самого величественного дворянина – были несвободны в том или ином отношении, а следовательно, никто из них не обладал неограниченным правом собственности. Пирамидальная структура российского общества XVIII века не позволяла дворянству усиливать свои права собственности в рамках крепостного права. В начале XVIII века крепостные крестьяне владели землей и зданиями (что было строго запрещено в 1730 году), а это означало, что власть собственника-дворянина была ограничена как снизу (поскольку крестьяне сохраняли контроль над некоторыми участками земли и над другими ресурсами), так и сверху (поскольку сама власть дворян над землей происходила из их обязанности служить). Укрепление частной собственности неизбежно усиливало крепостное право. В XIX веке историк Иван Беляев писал, что упразднение обязательной дворянской службы разрушило пира-

⁹⁹ Pipes R. Private Property Comes to Russia. P. 432.

¹⁰⁰ Krieger L. The German Idea of Freedom. P. 80.

¹⁰¹ Кэрл Роуз в критической статье, обращенной к историкам «общего права», которые представляют развитие собственности как стихийный процесс, направленный снизу, напоминает, что ключевую роль в становлении институтов собственности сыграли «просвещенные деспоты» Европы XVIII века. Эти реформы были призваны увеличить доходы государства, а не либерализовать экономический режим. Работа Роуз опровергает либеральный нарратив развития частной собственности, который ассоциирует ее со свободой: «В истории собственности, которая является историей верхов, ассоциация собственности и свободы не более чем случайна» (Rose C. M. Property as the Keystone Right? // Notre Dame Law Review. 1996. Vol. 71. № 3. P. 339).

¹⁰² О собственности. Собственноручная недатированная записка Екатерины II // Екатерина II. Избранное / Под ред. А. Б. Каменского, Г. О. Бабковой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 232. Я благодарна Галине Бабковой за указание на эту записку.

¹⁰³ О дворянских правах собственности см.: Winkler M. Eigentum, Heiliges Recht! Seele der Gesellschaft! Adel, Eigentum, und Autocratie in Russland um 18. und frühen 19. Jahrhundert // Jenseits der Zarenmacht: Dimensionen des Politischen im Russischen Reich 1800–1917 / Hg. von W. Sperling. Frankfurt am Main. New York: Campus Verlag, 2008. S. 71–97.

мидальную структуру, которая поддерживала патримониальную систему собственности¹⁰⁴. С уничтожением обусловленной служением собственности на землю государство потеряло право выступать верховным собственником, тем самым позволив окончательно превратить крестьян в имущество владельцев¹⁰⁵. Таким образом, свобода собственности, данная дворянам, закрепила несвободу других людей. Россия не была в этом смысле уникальна: введение частной собственности на землю обычно сопровождалось упрощением правил, стандартизацией практик, ликвидацией обычного права и другими мерами не в пользу крестьян¹⁰⁶.

Екатерининские реформы приравнивали российские законы о собственности к европейским нормам, которые, в свою очередь, основывались на римском праве. В сущности, Екатерина романизировала русскую правовую систему, что предполагало прежде всего стандартизацию (римское право ценилось за элегантность и простоту¹⁰⁷). Попытки Екатерины европеизировать русское законодательство неоднократно анализировались историками. Многие утверждали, что введение абсолютных и исключительных прав собственности чрезмерно примитивизировало сложные земельные отношения между государством, дворянами и крестьянами¹⁰⁸. Как показала Валери Кивельсон, многослойная система земельных отношений в XVII веке допускала, что и крестьяне, и землевладельцы одновременно могли считаться собственниками одного и того же участка земли: «Право собственности на землю не воспринималось как единое, однозначное, необремененное, индивидуальное право. В своих показаниях крестьяне выражают свое понимание множественных, пересекающихся и параллельных уровней собственности...» По словам Кивельсон, описывая свои права на пашни и пастбища, крестьяне использовали тот же глагол «владеть», «обозначающий право собственности и контроль, который они использовали для описания отношения землевладельцев к земле»¹⁰⁹. В этом смысле введение Екатериной термина «собственность», который был поставлен выше, чем просто владение (то есть факт или неписаное право физического обладания вещью), установило иерархию имущественных отношений, в которой дворяне-землевладельцы были наверху, а крестьяне внизу.

Екатерининскую реформу в этом отношении можно рассматривать как пример переименования, которое, как утверждали Юрий Лотман и Борис Успенский, составляло ключевой элемент культурных и политических преобразований XVIII – начала XIX века в России¹¹⁰. Слово «собственность» заменило собой целый ряд терминов, описывавших отношения собственности¹¹¹, и вместе с тем приобрело чрезвычайно важный смысл: *собственность* стала синонимом

¹⁰⁴ Ту же идею можно найти у Ричарда Пайпса: *Pipes R. Private Property Comes to Russia*.

¹⁰⁵ Цит. по: Каменский А. Б. Крещеная собственность в законодательстве XVIII века // Представления о собственности в российском обществе XV–XVIII вв.: Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи / Под ред. Н. А. Горской и Е. Н. Швейковской. М.: Институт российской истории РАН, 1998. С. 170.

¹⁰⁶ См., например: *Thompson E. P. Custom, Law and Common Right // Customs in Common*. London: Merlin Press, 1991. P. 97–184; а также обширную литературу по реформам собственности в колониальных империях.

¹⁰⁷ *Getzler J. Roman Ideas of Landownership // Land Law: Themes and Perspectives / Ed. by S. Bright and J. Dewar*. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 82. Об «изобретении» в XIX веке понятия абсолютного и исключительного права собственности правоведом, которые заявляли, что вывели его из римского права, см.: *Birks P. The Roman Law Concept of Dominium and the Idea of Absolute Ownership // Acta Juridica*. 1985. Cape Town: Yuta, 1986. P. 1–38.

¹⁰⁸ См., например: *Эльшиевич В. Б. История права поземельной собственности в России*. Paris: Société anonyme imprimerie de Navarre, 1948. Т. 1: Юридический строй поземельных отношений в XIII–XVI вв. С. 383.

¹⁰⁹ *Kivelson V. Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. P. 84–85 (см. рус. пер.: *Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 120–121).

¹¹⁰ *Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Успенский Б. А. Избранные труды*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1994. Т. 1: Семиотика истории, семиотика культуры. С. 30; *Они же*. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Там же. С. 235.

¹¹¹ См. анализ словоупотребления в статье Джорджа Вайкхардта: *Weickhardt G. G. Pre-Petrine Law of Property*.

власти¹¹². Можно утверждать вслед за Э. П. Томпсоном, обличавшим огораживания в Англии, что рационализация отношений собственности упростила гибкую систему обычаев. Однако у Екатерины, жившей в век Просвещения, камерализма и рационализма, вряд ли был выбор. Упрощение и унификация рассматривались как благо, а многообразие местных обычаев – как знак варварства и отсталости.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, ОБЩЕЕ БЛАГО И ДИЛЕММА ЭКСПРОПРИАЦИИ

Вернемся к истории о реке Эмбе и решительной защите прав собственности Н. С. Мордвиновым. Слова Мордвинова можно рассматривать как торжество екатерининских идей: ее реформы открыли пространство для дебатов о собственности и побудили российских интеллектуалов принять участие в дискуссиях. Обдумав преимущества собственности, ее историческое развитие и функционирование в обществе¹¹³, российские авторы единогласно заключили, по словам Дениса Ивановича Фонвизина, что «вольность и собственность» составляют «величайшее благо государств и народов» и «истинное намерение всех систем законодательства»¹¹⁴. Огромная популярность экономического и правового либерализма в начале XIX века, интеллектуальная близость к Европе (особенно в первые годы правления Александра I) привели к расцвету идеи частной собственности. Провозгласив преемственность своей политики по отношению к правлению бабушки, Екатерины Великой, и устанавливая свой либеральный режим в противовес деспотизму своего отца, Павла I, Александр I расширил приносимые частной собственностью выгоды на все сословия за исключением крепостных крестьян¹¹⁵. Мордвинов, инициировавший отмену дворянской монополии на владение недвижимым имуществом¹¹⁶, приветствовал манифест Александра I от 1801 года как «закон истинной народной свободы, коренное установление целого российского народа, Великую Грамоту России, нашу Magna Charta»¹¹⁷. Подтверждение и расширение прав собственности должно было способствовать развитию торговли и сельского хозяйства, экономическому освоению обширных земельных ресурсов Российской империи.

Дискуссия о правах собственности Кутайсова на реке Эмба не только показательна как триумф частной собственности, но также и как первый случай, когда провозглашенная неприкосновенность собственности вступила в противоречие с общественными интересами и правительству пришлось отчуждать частное владение, чтобы защитить интересы других (поскольку считалось, что владение морским побережьем приносит ущерб). Как выяснилось, процедур для экспроприации частной собственности не существовало. Екатерина II ввела современное понимание собственности в российскую жизнь, однако она не определила, какими должны

¹¹² Алфавитный указатель к первому Полному собранию законов Российской империи, опубликованный в 1830 году, дает прекрасный пример того, как отношения власти переводились на язык собственности. Большинство статей, приведенных под рубрикой «собственность», описывают публичные отношения между крестьянами и помещиками, то есть касаются власти землевладельца по отношению к крестьянам, а не собственности. Однако составители Собрания законов сочли, что эти статьи описывают собственность помещика по отношению к его крестьянам. См.: Собственность // ПСЗ I. Алфавитный указатель. СПб.: П-е отделение Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Ч. 2. С. 937.

¹¹³ Третьяков И. А. Рассуждения о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов (1772) // Русская философия собственности, XVIII–XX вв. / Ред. К. Исупов, И. Савкин. СПб.: СП «Ганза», 1993. С. 26–31; Поленов А. Я. О крепостном состоянии крестьян в России (1776) // Там же. С. 34–41.

¹¹⁴ Фонвизин Д. И. Рассуждение о непеременимых государственных законах (1780–1783) // Там же. С. 49.

¹¹⁵ Купцам, мещанам, государственным крестьянам и получившим свободу бывшим крепостным было даровано право покупать землю (включая полезные ископаемые и прочие, связанные с землей богатства): ПСЗ I. Т. XXVI. 12 декабря 1801 г. № 20075. В 1808 году священникам (ПСЗ I. Т. XXVIII. 14 мая 1804 г. № 21290) и иностранцам также разрешили покупку земли (иностранцам только в Крыму (ПСЗ I. Т. XXVIII. 1 марта 1804 г. № 21192)).

¹¹⁶ Мордвинов Н. С. Записка о праве приобретения земли // Архив графов Мордвиновых. Т. 3. С. 143.

¹¹⁷ Мордвинов Н. С. О силе и пространстве указа 12 декабря // Там же. С. 187.

быть отношения между частными собственниками и обществом, и не создала механизмов для разрешения споров частных собственников с государством. Расплывчатыми оставались границы как государственной собственности, так и права государства отбирать чью-то собственность для общественных нужд. В отдельных случаях государство осмеливалось посягнуть на частную собственность, однако осознание необходимости разработать общие правила для экспроприации потребовало много времени.

Экспроприация как обратная сторона института собственности появилась в европейской теории права и в юридической практике в то же время, что и понятие частной собственности¹¹⁸. В Средние века и при Старом порядке экспроприацию понимали как привилегию суверена представлять общее дело (*res publica*); в XIX веке экспроприация превратилась в средство примирения конфликтующих интересов государства, общества и индивидов. Механизмы экспроприации собственности упрощались и со временем предоставляли все большую защиту собственникам. Перед Французской революцией конфискация собственности и компенсация устанавливались по прямому указу короля или по административному решению. После революции экспроприация стала юридическим вопросом, разрешаемым в суде. Таким образом, как резюмировал в начале XX века французский юрист Анри Бертелеми, экспроприация в Европе перестала быть жертвой и стала скорее привилегией¹¹⁹. Отчуждение частной собственности, даже когда оно было оправдано общим благом и щедро компенсировалось, оставалось делом противоречивым, но невозможно представить себе, как бы развивалось железнодорожное строительство в Англии или как Жорж Осман мог бы перестроить Париж, если бы не массовые экспроприации частных владений. Как утверждал другой известный юрист, экспроприация была «одной из величайших сил современного государства»¹²⁰.

В России экспроприация полностью утвердилась в законодательстве только в 1830-е годы, хотя возможность конфискации с компенсацией впервые возникла в 1809 году. Конечно, российские правители отчуждали имущество своих подданных и до институционализации этой практики в законе (и до появления екатерининского понятия о собственности). Обычно собственники получали компенсацию убытков. Но до начала XIX века власти рассматривали каждый случай отдельно, без вхождения в теоретические рассуждения. Случай с рыбной монополией на реке Эмбе был одним из первых примеров, когда правительство обсуждало отчуждение (наряду с вопросом о законности или незаконности владения), и права собственности были истолкованы в рамках конфликта между общественными и частными интересами. Как мы видели, Мордвинов понимал общественное богатство как сумму частных богатств, поскольку общество состояло из индивидов. Следовательно, обществу было выгодно уважение прав всех его членов. Но эту идею было невозможно реализовать на практике – осуществление неограниченной власти владельцев в отношении своей частной собственности слишком часто приносило значительный урон их соседям и экономике страны.

Среди объектов частных владений природные ресурсы, главным образом реки, вызывали более всего споров. Многочисленные споры о пользовании реками для транспортных целей и

¹¹⁸ Гуго Гроций ввел понятие «*dominium eminens*» для обозначения суверенного права государства отнимать собственность у частных владельцев (1625), и в XVII–XVIII веках право принудительного отчуждения (*eminent domain*) постепенно установилось в законодательстве континентальной Европы (*McNulty W. Eminent Domain in Continental Europe // Yale Law Journal. [1912, May.] Vol. 21. № 7. P. 555–570*). Об этом аспекте имущественных отношений писали Самуэль Пуфендорф, Шарль Монтескьё и Христиан Вольф, и русские читатели были знакомы с их трудами. По раннему периоду истории экспроприации см.: *Reynolds S. Before Eminent Domain: Toward a History of Expropriation of Land for the Common Good. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2010*.

¹¹⁹ *Berthélemy H. Traité de droit administrative. 1913. Цит. по: Harouel J.-L. L'expropriation dans l'histoire du droit français // L'Expropriation, Deuxième Partie, Moyen Âge et Temps modernes, Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions. Brussels: De Boeck Université, 2000. № 67. P. 39–77.*

¹²⁰ *Nicias-Gaillard (1855). Цит. по: Deblicq Y. De l'expropriation pour cause d'utilité publique à l'expropriation par zone en Belgique et en France au XIXe siècle // L'Expropriation. P. 106.*

орошения привели к большим сомнениям относительно абсолютной природы власти частного собственника. В этой области екатерининский конструкт абсолютной частной собственности начал давать сбои. В 1806 году петербургский губернатор сообщил о множестве жалоб на владельцев земель вдоль берегов рек, которые чинили препятствия прохождению судов купцов, везущих товары в столицу. Сенат, рассмотрев дело, признал: «По разуму законов, праву землевладельческому должны быть назначены пределы, а посему оно уступает там, где приближается польза государства»¹²¹. Это заявление имело большое значение. В противоположность общим рассуждениям о священном характере частной собственности в манифестах Екатерины II и меморандуме Мордвинова решение Сената обозначило поворот в сторону более прагматичного понимания собственности. Сенат приказал Департаменту водяных коммуникаций при открытии рек для судоходства брать в расчет «общую пользу» при рассмотрении возможных убытков частных землевладельцев¹²².

В начале XIX века тем не менее неотчуждаемость считалась неотъемлемой чертой частной собственности. Ограничение частной собственности ради общественных интересов представлялось ненормальным – по крайней мере, такое ограничение не могло быть институционализировано в законе. В 1809 году Михаил Михайлович Сперанский, одаренный государственный деятель, юрист и экономист, попытался впервые ввести правила экспроприации в проект гражданского уложения, который как в своих главных чертах, так и в интерпретации права частной собственности следовал наполеоновскому закону об экспроприации 1807 года. Сперанский стремился нормировать отчуждение частной собственности и установить твердые принципы для выплаты компенсаций. Его предложение было отвергнуто под тем предлогом, что, предписывая государству определенные способы ведения переговоров с землевладельцами по поводу отчуждения их собственности, правительство оскорбляет чувства своих верноподданных и, к выгоде «упорных людей», не уважающих «пользы общественной», посягает на священную частную собственность¹²³. Любопытно, что французский закон об экспроприации, который Сперанский взял за основу для своего проекта, рассматривался как выполнение обещаний Декларации прав человека и гражданина (1789), которая установила и право общества отбирать чью-то собственность на общие нужды, и право граждан получать в этом случае справедливую компенсацию¹²⁴. Тогда как в Европе институционализация экспроприации служила достижению компромисса между государством и частными интересами и на самом деле защищала частную собственность от незаконных конфискаций, в России экспроприация рассматривалась как посягательство на право частной собственности. Проект Сперанского не стал законом, а сам он впоследствии оказался в опале (одним из поводов для этого стала его франкофилия), был отправлен в ссылку и смог вернуться к своему проекту кодификации законов только в 1826 году. В 1810 году Государственному совету было все же поручено рассматривать дела об экспроприации, но в его распоряжении не было процедуры для разрешения конфликтов и установления размера компенсации за отчуждаемую собственность.

В 1821 году опять возник вопрос об экспроприации, когда Комитет министров рассматривал необходимость отчуждения мельницы на Оке¹²⁵. Мельница мешала судоходству, и Мини-

¹²¹ Цит. по: *Флексор Д. С.* Действующее законодательство по водному праву. Систематический сб. узаконений. СПб.: Гос. тип., 1903. С. 423. «Об открытии и назначении бечевников по рекам в Санкт-Петербургской губернии протекающим, по коим производится отправление к столице леса, дров, извести, камня и других припасов» (ПСЗ I. Т. XXIX. 28 мая 1806 г. № 22150).

¹²² Историческая записка о судоходных и сплавных реках по русскому законодательству. С. 45. Тем не менее установленные этой инструкцией процедура и принципы никогда не применялись на практике (РГИА. Ф. 1287. Оп. 7. Д. 562. Л. 59 об.).

¹²³ Архив Государственного совета. Государственный совет в царствование императора Александра I. Департамент законов. СПб.: Гос. тип., 1875. Т. IV. Ч. 1. С. 36–37.

¹²⁴ *Harouel J.-L.* L'expropriation dans l'histoire du droit français // *L'Expropriation*. P. 67.

¹²⁵ ПСЗ I. Т. XXXVII. № 28646. 14 июня 1821 года. Я позаимствовала ссылку на эту дискуссию из работы Д. В. Тимофеева: *Тимофеев Д. В.* Понятие «собственность» в России в первой четверти XIX века: Опыт реконструкции смыслов // *Российская история*. 2009. № 1. С. 172.

стерство путей сообщения хотело ее снести, чтобы расширить проход по реке – типичная проблема для того времени. Владельцы мельницы, купчиха Конькова и ее сын, пытаясь сохранить мельницу, потребовали высокую цену за свою собственность. Для разрешения конфликта между Министерством путей сообщения и Коньковыми Комитет министров создал комиссию по оценке имущества. Рассматривая это дело, Комитет министров решил создать специальные правила о том, что, когда и как правительство может отчуждать для общественных нужд и как защитить права собственников в таких случаях. Однако против такой стандартизации резко выступил влиятельный тогда в процедурных вопросах министр юстиции Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский, который не считал возможным ограничить права, дарованные монархом. Министр юстиции осудил неговорящих владельцев мельницы, которые, «не уважая пользы общей», назначили чрезмерную цену, но выразил надежду, что случаи изъятия частной собственности будут редки, «дабы не колебать Всемиловейше дарованные и подтвержденные всем сословиям права»¹²⁶. Нужды в специальном законе, как считал Лобанов-Ростовский, не было.

Из вышеизложенного, а также из риторики записки Лобанова-Ростовского ясно, что он понимал право частной собственности как контракт между правителем и подданными. Человек получал право частной собственности от монарха, который гарантировал ее неприкосновенность (здесь не было места для закона об экспроприации). Верные подданные монарха, таким образом, обещали отдать государству собственность, когда возникнет в том общественная нужда. Самым ярким оппонентом узаконения экспроприации выступил известный консервативный политический деятель адмирал Александр Семенович Шишков¹²⁷, сменивший своего врага Сперанского на посту государственного секретаря. В меморандуме, специально написанном по этому поводу, Шишков описывал систему российского государственного устройства, основанного на двух началах: самодержавии и «непоколебимости» частной собственности: «Сии два закона, столь же существенные для блага народного, сколь и противные между собою, тогда только согласуются, когда первый есть самострожайший хранитель второго, и когда второй беспрекословно подчиняет себя первому»¹²⁸. Закон об экспроприации разрушил бы гармонию этих двух элементов: он признал бы возможность такой ситуации, когда собственник ставит свое право выше воли монарха, а монарх оказывается не в состоянии выполнить свое обещание заботиться о неприкосновенности владения.

Еще один аргумент против закона об экспроприации ярко отражает романтически-консервативную трактовку собственности: экспроприация невозможна, так как никто не в состоянии определить ценность собственности для владельца. Бюрократическая оценка не принимает в расчет настоящую величину потерь – материальных и нематериальных:

Может ли и должен ли оценщик входить в чувства владельца собственности? Поставит ли он в цену любовь его к родному имению, в котором, может быть, лежат драгоценные для него памятники, прах отца его, матери или детей? Поставит ли он в цену естественную привязанность его к роше, или саду, который он собственными руками своими насадил, развел и разрастил?¹²⁹

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ См. также интересный анализ мнений Шишкова и Мордвинова в статье Мартини Винклер: *Winkler M. Eigentum, Heiliges Recht! Seele der Gesellschaft!* S. 88–91.

¹²⁸ Мнение адмирала Шишкова о мельнице, понадобившейся в казну, и за которую владелец просит дорого // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее: ЧОИДР). 1858. Кн. 4. С. 134.

¹²⁹ Там же.

Добровольное пожертвование собственности на общие нужды, думал Шишков, нанесло бы значительно меньший моральный урон собственнику, нежели несправедливая денежная компенсация. Более того, Шишков предостерегал о возможных злоупотреблениях экспроприациями для общественных нужд, учитывая, что область распространения этих нужд в будущем нельзя предсказать. Поэтому Шишков, так же как и Лобанов-Ростовский, считал, что дела об экспроприации должны решаться в каждом случае индивидуально, а решение об отчуждении может принимать только царь.

Эта логика защиты неприкосновенности частной собственности вполне соответствует екатерининским представлениям: в начале XIX века собственность все еще рассматривалась как недавно приобретенная привилегия дворянства, как дар монарха, а не как неотчуждаемое естественное право. В отсутствие прочих личных прав, собственность приобрела символическое значение как маркер индивидуальности, одна из ключевых характеристик личности. Для Шишкова собственность была личностной, неотчуждаемой (в том смысле, как Маргарет Рэйдин интерпретирует два типа собственности – взаимозаменяемый, или отчуждаемый, и личностный, то есть неотчуждаемый¹³⁰). Собственность в консервативной идеологии – не абстрактное право: это, как писал другой консервативный мыслитель Адам Мюллер, часть человеческого тела, «проекция его конечностей»¹³¹. В точности как Юстус Мёзер, Шишков определял собственность как «особую связь между объектом и личностью (или семьей), которая включала в себя ценности, чувства и отношения немонетарного, нетоварного свойства»¹³². Сперанский, напротив, применял строго утилитарную модель, рассматривая любую собственность как имущество, не связанное с личностью. Тогда как для Сперанского собственность была абстрактным правом, для Шишкова неприкосновенность частной собственности была все еще элементом отношений между царем и народом. Риторика интимности дворянской собственности предполагала неуместность бюрократической оценки отчуждаемого владения и часто использовалась в дискуссиях об ограничении частновладельческих прав вплоть до начала XX века¹³³.

Позиция Шишкова и Лобанова-Ростовского получила полную поддержку сановников, в том числе и со стороны Мордвинова, имевшего репутацию убежденного либерала и защитника частной собственности¹³⁴. Однако риторика Мордвинова апеллировала к несколько иному видению отношений между частными собственниками и государством. Он подчеркивал, что общее благо происходит из суммы частных благ всех подданных; именно власть монарха связывает частные воли людей вместе, и поэтому право частной собственности и верховная власть неотделимы друг от друга. В немонархических правлениях («вольных правительствах»), где закон, а не воля монарха защищает неприкосновенность частной собственности, условия экспроприации могут быть закреплены особым постановлением. В самодержавном государстве

¹³⁰ Radin M. J. Property and Personhood // Stanford Law Review. 1982. Vol. 34. P. 957–960.

¹³¹ Карл Мангейм рассматривал такое «интимное» отношение к владению как отличительную черту консервативного стиля мышления: Mannheim K. Conservative thought // From Karl Mannheim / Ed. with an introd. by K. H. Wolff. New York: Oxford University Press, 1971. P. 162–163.

¹³² Epstein K. The Genesis of German Conservatism. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 328. Мёзер отличал «старую», «настоящую» собственность, ассоциировавшуюся с наследственным владением, охотой и правом землевладельцев на представительство в ландтаге, от «новой» собственности, лишенной таких характеристик: Möser J. Von dem echten Eigenthum // Justus Möser's sämtliche Werke / Neu geordnet und aus dem nachlasse desselben gemehrt durch B. R. Abeken. 3. Theil. Berlin: Verlag der Nikolaischen Bachhandlung, 1842. S. 158–162.

¹³³ Как отмечает Янни Коцонис, почти столетие спустя российские банкиры использовали те же аргументы против посягательства на их личность в дискуссии по поводу введения подоходного налога, который предполагал возможность тщательной ревизии их финансовых счетов: Коцонис Я. Государство и эволюция: налоговая политика и государственные преобразования в России (1863–1925) // Исторические записки. М.: Наука, 2007. Вып. 10 (128). С. 19–70.

¹³⁴ Мордвинов был близким другом Шишкова: Repczuk H. Nicholas Mordvinov (1754–1845): Russia's Would – be Reformer.

монарх определяет, что является общим благом, и разрешает конфликты между общими и частными интересами; соответственно, нет нужды в специальном законе об экспроприации¹³⁵.

Символично, что «первый либерал России» (как назвала Мордвинова его биограф), выступая в защиту частной собственности, связал это право не с естественным правом, а с политической властью самодержавия. Несмотря на разницу консервативной и либеральной риторик, и Шишков, и Мордвинов, в сущности, высказывались о необходимости защиты собственности для сохранения существующего социального порядка. Таким образом, частная собственность как в консервативно-романтическом, так и в либерально-утилитарном понимании служила интересам монарха и его верноподданных, укрепляя сословное неравенство.

Учитывая идеологическую силу принципа частной собственности (Шишков даже поставил его в один ряд с самодержавным принципом!), трудно было примирить неприкосновенность собственности и экспроприацию. Трудности с этим испытывали не одни только российские законодатели. Специфика российского случая заключается в представлении о несовместимости экспроприации с самодержавием и в приписывании собственности особенного нравственного значения. Что в Европе представлялось правовым механизмом, пригодным для согласования противоречий между общественными и частными интересами, в России предстало как нарушение контракта между правителем и его подданными. В упоминавшемся выше деле о мельнице Коньковых (1821) Александр I взял сторону министра юстиции, выступавшего против введения общих правил экспроприации.

Почему провалились попытки нормировать экспроприацию (а следовательно, и собственность)? Можно отметить несколько взаимосвязанных причин. Во-первых, частная собственность в России была правом, данным сверху, следовательно, это право не могло иметь такого же идеологического значения, как в неавтократической Европе, где приобретение «естественного права» было опосредовано принадлежностью к сообществу, а не честью быть подданным императора. Другой причиной была слабость определения «общественного блага». Хотя этот термин широко использовался в этот период, он имел весьма абстрактный характер. Юрий Лотман показывает в своем исследовании особенностей морали и поведения дворянского общества в начале XIX века, что дух гражданского долга и службы во имя общего блага играл важную роль в формировании идеологии декабристов¹³⁶. Отдаленное эхо этого настроения можно услышать даже в риторике тех, кто выступал против институционализации экспроприации: верноподданные должны были отдать свое добро без торгашества и принуждения. Действительно, идеальное общественное благо было трудно соотнести с конкретным набором требований относительно навигации по рекам, строительства крепостей и железных дорог; также трудно было решить, кто мог выступать от имени общества. Соответствуют ли государственные нужды общественным? Всегда ли общественное благо совпадает с государственным интересом? Ответы на подобные вопросы зависели от того, как определять государство и общество в качестве собственников, противостоящих в экономическом смысле собственникам частным.

Какой бы узкой ни казалась проблема экспроприации, она вскрывает ряд особенностей российской системы управления и отношений между государством и подданными. С середины XIX века государство все чаще прибегало к экспроприации, установив таким образом свое право отчуждать частную собственность. В конечном итоге экспроприация стала воплощать в себе материальные и даже политические отношения между государством и подданными. Например, зачастую освобождение крестьян 1861-го года представлялось как экспроприация государством земли и крестьян у помещиков. Во второй половине XIX века, когда активно велись дискуссии о природе публичных вещей, к экспроприации часто стали прибегать, чтобы

¹³⁵ Мнение адмирала Мордвинова по случаю препоручения Комиссии сочинения законов изложить правила для отобрания частной собственности в пользу общественной // ЧОИДР. 1858. Кн. 4. С. 137–138.

¹³⁶ Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Сб. / Ред. В. Г. Базанов и В. Э. Вацуро. Л.: Наука, 1975. С. 25–74.

разрубить узел противоречий между частными интересами и общественным благом. К концу XIX века экспроприация стала рассматриваться как средство наказания беспечных владельцев общественно значимых объектов (лесов и исторических памятников), как способ освободить работы умерших авторов от воли наследников, а ископаемые природные ресурсы – от контроля землевладельцев, не желающих их разрабатывать. Без экспроприации было невозможно осуществить ни один крупномасштабный технологический проект, например строительство железных дорог и ирригационных каналов.

Позже я вернусь к дискуссии об экспроприации, когда буду анализировать проблему собственности в контексте экономического развития, сохранения исторических памятников и авторского права. Сейчас мне важно отметить, что использование механизма экспроприации – не просто показатель безопасности (или уязвимости) собственности: способность эффективно применять этот механизм также показывает управленческие возможности правительства и его силу. Как бы парадоксально это ни звучало, учитывая навязчивую озабоченность историографии проблемой уязвимости частной собственности в России, российское государство зачастую очень неохотно шло на использование экспроприации. Одной из причин этого был неопределенный статус государственного имущества.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

В своем стремлении даровать дворянам имущественные привилегии Екатерина не обозначила объемы и правовой статус государственных владений. В немалой степени причиной было то обстоятельство, что ни сама императрица, ни кто-либо из тех, кто ей служил, не знали, чем владело государство¹³⁷

¹³⁷ Христофоров И. Судьба реформы. С. 48.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.